

Анатолий МАХАВКИН

ЗВЕРИ У ДВЕРИ

18+

@ЭЛИТА

Анатолий Анатольевич Махавкин

Звери у двери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9458251

*Махавкин А. Звери у двери. Современное фэнтези: Самиздат;
Екатеринбург; 2016*

Аннотация

Роман повествует о приключениях группы молодых людей, которые стали обладателями загадочных артефактов, наделивших владельцев нечеловеческими способностями. Переместившись в неизвестное место, герои пытаются добраться домой, не представляя, какие преграды станут на их пути.

18+

Содержание

Часть 1. У двери	5
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Анатолий Махавкин

Звери у двери

© ЭИ «@элита», 2016

Часть 1. У двери

– Уже придумал, что мы подарим Маринке на днюху? – осведомился Илья, оживлённо орудуя зубочисткой во рту.

– Мы? – изумился я, разглядывая товарища так, словно видел его в первый раз.

– Ах, ну да, – он вынул острую щепку изо рта и повертел в пальцах, – наш пылко влюблённый решил растопить холодное сердце эксклюзивом. И это будет ну чисто его собственный дар.

– Илья, – проникновенно сказал я и показал товарищу средний палец, – не пошёл бы ты в задницу? Причём, пожалуйста, выбери самую тёмную и глубокую.

Мой собеседник довольно захохотал и отшвырнул зубочистку прочь. Какое-то мгновение я размышлял: не испортить ли ему настроение, напомнив про Ольгу, но не стал: слишком подлый приём. Хорошо этому здоровенному балбесу, который все вещи в мире (кроме одной) воспринимает так легко, а каково мне? Понять мои чувства мог бы разве что Витёк, если бы мы оказались способны поговорить, не испытывая взаимного желания вцепиться друг другу в горло. А спрашивается, зачем? Оба в одинаковом положении.

– Ну и ладно, – Илюха махнул рукой и похлопал ладонями по шероховатому срезу пенька, на котором сидел, – сами с усами. Если не сумею придумать, спрошу у Оленёнка, под-

скажет...

– Ты и её надумал взять? – испугался я, представив, какой дурдом может получиться. – Марина ничего не говорила...

– Галка звонила, – Илья достал из кармана джинсов телефон и показал мне, словно это как-то подтверждало его слова, – уточнила список гостей и место проведения торжеств. Похоже, очень веселилась.

– Дурному радоваться – что с горы катиться, – пробормотал я и вдруг изумился: – Каких таких торжеств? Планов громадье?

– Ого-го! – Мой друг вскочил на ноги и дёрнул головой, сбрасывая с глаз чёрные кудри. – План Барбаросса, мон шер. С утра едем к речке и умеренно потребляем слабоалкогольные отравляющие вещества. Умеренно, заметь. Потом отправляемся в резиденцию виновницы, где состоится торжественная часть с вручением подарков, задуванием свечей и прочей водкой. Уцелевшие ползком перемещаются в «Фарон» и гуляют на последние... Как тебе диспозиция?

– Шикарно, – я поморщился, – печень уже радуется. Кстати, – я замялся, – список гостей... Нельзя ли подробнее?

Илья сунул руки в карманы и замер, покачиваясь с носка на пятку. На смуглом лице появилось досадливое выражение.

– Дружище, – негромко пробормотал он наконец, – ну ты же не думал, что Мариша продинамит его? В конце концов, это же её день рождения.

– Давай-давай, – угрюмо буркнул я и оперся спиной о ствол корявой акации, – сыпь соль на мои раны.

Илья только плечами пожал.

– Паша и Наташа, – сказал он, загибая пальцы, – Витёк, смотрите, не поубивайте друг друга; Галя, ессесно; мы с Олей, прошу любить и жаловать; один мой поэтичный дружба́н, ты его должен знать; дама его сердца, и некто Валентин. Полегчало?

Стало так тоскливо, словно солнце разом перекрасили в чёрный цвет. Опять получится чёрти что! Я оторвался от акации и, завалившись на лавку, закрыл глаза, представляя. Сначала Маришка будет всех развлекать, перемигиваясь со своим Валиком. Ей будет казаться, будто она делает это незаметно, а её говнюк начнёт подкалывать меня или Витьку. Понятное дело, придётся избегать общества счастливого избранника – не портить же праздник. Поэтому мы, рано или поздно, сцепимся друг с другом. Галчонок целый день мило прощещает в телефон, а когда мы направимся в клуб, растворится в ночи. К тому времени Ольге надоест медвежья галантность Ильи, и если я буду ещё не слишком пьян (а я буду!) начнёт приставать ко мне. Илюха разобидится на весь белый свет и упьётся вусмерть. Пашка с Наташкой, почти муж и жена, мирно отправятся спать, а именинница исчезнет в компании Валика. В результате в клуб пойдут три абсолютно синих тела, которые, скорее всего, начнут задиаться ко всем подряд и обязательно отхватят порцию тумачков. Как я

могу так точно предсказывать будущее? Ха! Это не будущее – это прошлое.

– Почитай, из своего. Свеженькое, – попросил Илья, пересаживаясь на спинку лавочки.

Я открыл один глаз и покосился на него.

– Ты хоть представляешь, какой минор я тебе сейчас задвину? – Он согласно кивнул. – Ну, слушай, сам попросил:

В убежище тайном, в глухой тишине,
В огнями расцвеченной сумрачной тьме,
Зачем ты колдуешь, как будто во сне?
Зачем призываешь ты духов ко мне?
Зачем?

В котёл ты бросаешь пригоршню травы
И волос, что сорван с моей головы.
Зачем мою душу терзаешь в ночи?
Зачем в моё сердце втыкаешь мечи?
Зачем?

Ты в варево кровь добавляешь свою,
В то время, когда я давно уже сплю.
Зачем ты мою вызываешь любовь?
Зачем будоражишь потухшую кровь?
Зачем?

Заклятий любовных бормочешь слова,
Над книгой склонилась твоя голова.
Зачем пробуждаешь меня ты в ночи?
Зачем ты добыла от сердца ключи?
Зачем?

Зачем ты поймала меня на крючок?

Зачем струн души твой коснулся смычок?

Зачем, ведь не любишь меня ты совсем?

Зачем, расскажи, объясни мне, зачем?

Зачем?

– Жесть! – выдохнул Илья. – Подари мне. Я его Оленёнку прочитаю, у неё сердечко растает, и она будет вся моя!

– Ну-ну, – неопределённо протянул я, – забирай. Может, хотя бы тебе поможет. Мне не помогло.

Листья над головой шелестели так умиротворяюще, что меня тянуло закрыть глаза и задремать. На некоторое время забыть обо всех проблемах: о хвостах, которые никак не желали подтягиваться перед сессией; о вечной ругани с родаками; о постоянной нехватке денег; ну, и о самом главном... Что же ты делаешь, девочка с морским именем? Почему у меня нет сил бросить это безнадёжное дело и заняться кем-нибудь другим? Илья в шутку называет меня сорокалетним девственником, хоть сам точно так же нарезает круги вокруг своего драгоценного Оленёнка. Знал бы он... Нет, нет, пусть лучше не знает!

– Пошли, по пиву, – предложил я, принимая сидячее положение. – Подготовим, так сказать, организм к завтрашним испытаниям.

– Не-а, – с грустинкой в голосе откликнулся Илья и отряхнул рубашку, – мне вечером предстоит променада, посему не могу я прованиваться этими вашими пивами. Сам знаешь,

она этого терпеть не может.

Угу, если бы дела обстояли так просто. Настроение окончательно испортилось. Естественно, в одиночку я пить не буду.

– Тогда: у меня нога, мне – домой, – сказал я и пожал протянутую руку. – Желаю тебе удачи и здоровья в личной жизни. Трахнешь Ольгу, позвони – порадуемся вместе.

Илья подозрительно покосился, но промолчал. Иногда мне казалось, будто он подозревает некую нездоровую фигу, но помалкивает, опасаясь ещё больше усложнить ситуацию. Хоть, куда уж... Тут и так сплошная Санта-Барбара.

Просто, наверное, только Пашке с Натахой: любовь-морковь с первого класса школы. Сколько лет, а они всё вместе. Жениться вот собираются. Хорошие ребята, во всех отношениях.

Пашка весь рыжий и конопатый, вечно с ворохом смешных анекдотов, которые в моём изложении почему-то превращаются в унылое говно. Менталитет, должно быть.

Ната выше своего парня на полголовы – эдакая нордическая красавица, с тёмным каре, обрамляющим широкоскулое лицо. Кажется неприступной льдинкой, а на самом деле – хохотушка, каких свет не видывал.

Следующей в нашем списке идёт Галя – сестра Марины: крохотная девчонка и очень большое динамо, исхитряющееся одновременно крутить шашни с полусотней парней. Подарки, приглашения в рестораны и клубы приветствуются,

но на этом – финиш. Девственность, дескать, исключительно для законного супруга. Как ей это удаётся – хрен его знает. Скуластое смуглое лицо и длинные чёрные волосы, постоянно накрученные на указательный палец.

Угу, Витёк, одного роста со мной – плотный буруз, продолжающий расширяться, пока лет через десять не превратится в соломенноголового толстячка. Как и я, безнадежно влюблен в... Чёрт! А ведь когда-то мы были друзьями.

Ну, с Ильей всё ясно: высокий красивый парень с греческими корнями. От далёких предков получил в наследство кудрявую голову и классический профиль. Нетрудно догадаться, что объектом бесполезного приложения сил данного индивидуума является некая Ольга.

А вот и она – девушка, имеющая все внешние данные для модельного бизнеса: длинные ноги, идеальные пропорции и слегка стервозный характер. Зелёные глаза на бледном лице всегда горят огоньком превосходства, а рыжие волосы никогда ничего не слышали о причёсках. Как ни странно, но все её парни имели некие изъяны. Очевидно, для контраста с её совершенством. Когда девушка первый раз начала флиртовать со мной, я решил, что у меня крыша едет. Как же я ошибался! Теперь вот стыдно перед товарищем, и кажется, будто я предал свою настоящую любовь. Но как же хочется опять обладать этим прекрасным телом! Всё-таки я в чём-то ошибся. Понять бы ещё, в чём.

Ну и, наконец, гвоздь программы: любимица особо уда-

ренных пациентов – Марина. Прошу любить и жаловать. По странной прихоти матушки-природы абсолютно не похожа на свою младшую сестру. Когда я пытаюсь её описать, мысли путаются в голове. Это как... Похожа на... А лицо... Ну, в общем, вы меня поняли. Наверное.

– Ты уснул? – поинтересовался Илья и дёрнул меня за рукав. – Жениться вам надобно, барин. А то всё козы да коровы...

– Сам дурак, – огрызнулся я. – Я думал, ты уже свалил. Может, передумаешь? Пиво такое холодное...

– А водка ещё вкуснее, – протянул товарищ и продемонстрировал вселенскую скорбь. – Ну, не могу! Пойди к Витьку, сделайте вид, что вы не хотите друг друга прикончить.

– Как скажешь.

Мы прошли по аллее, между акаций разного возраста и роста, после чего, обогнув полузаброшенную детскую площадку, где полтора карапуза резвились под присмотром строгих бабушек, вышли в переулок, упирающийся в Илюхин дом. Подул холодный ветер, и я поёжился. Вот ведь жизнь: то – погода скверная, то – на душе дерьмово. Хочется чего-то хорошего.

– Едем в Турцию? – внезапно спросил Илья, и закурил, скосив на меня хитрый карий глаз.

– Приглашаешь? – осведомился я с подозрением. – Или так, очередной прикол?

– А вид у тебя такой, – пояснил товарищ, – как будто сей-

час обернёшься простынёй и заорёшь: на волю! В пампасы!

– Хочу в пампасы, – грустно подтвердил я, – хочу на волю. В Турцию не хочу, там – турки.

– Странно, – согласился Илья, – русских там, правда, больше. Ну и куда же ты желаешь, расистская морда?

Я задумался. А, действительно, куда? Куда-нибудь, подалее от самого себя. Чтобы не болело в груди. Чтобы тепло, светло и мухи не кусали. Я уже как-то сделал попытку удрать в том направлении. Был, правда, весьма пьян, и друзья успели затащить обратно. Хорошие у меня друзья.

– Домой хочу, – решил я, – давай-ка я ещё раз пожму твою трудовую ладошку.

– Тебе понравилось, – констатировал Илюха и, обвиняя, ткнул меня пальцем в грудь, – я знаю: ты – лицо нетрадиционной ориентации и притворяешься влюблённым в Марину, дабы быть ближе ко мне. Поцелуемся?

– Ты меня раскусил, – устало буркнул я, – но ещё слишком рано для серьёзных отношений. Нужно как следует подумать. До завтра.

Маршрутка довезла почти до самого дома, и пройтись оставалось всего ничего. Единственный поворот – в супермаркет. Возьму пива, и хрен с ним, с Ильёй. Меня сегодня никто не ожидает, кроме мамки, которая устроит очередной нагоняй – за пиво, за вчерашний поздний приход, да мало ли ещё за какие прегрешения!

В лифте я перекинулся парой слов с соседом – он недавно

вернулся из рейса и щеголял добротным загаром на счастливой физиономии. Расчувствовавшись, собеседник пригласил попить абсента и покататься на новеньком Форде. Я только не понял, в каком порядке предполагалось проводить мероприятие. В одном случае это было бы законнее, в другом – интереснее.

Я попытался незаметно прошмыгнуть в комнату и, естественно, мне это не удалось. Граница оказалась на замке, и пограничник в цветастом халате преградил дорогу.

– Что хочешь сказать? – поинтересовалась мать, сведя брови воедино. Видимо, это должно символизировать крайнюю степень раздражения, но на деле никак не вязалось с добродушной круглой физиономией.

– Ничего, – кротко ответил я, – устал и хочу спать.

– В обнимку с бутылками! – съязвила мама. – Сопьёшься. Вон, посмотри на соседа – дядю Сашу. Глянь, во что он превратился! А ведь кем был...

– Я обязательно посмотрю, – пообещал я, с тоской разглядывая портрет Вахтанга Кикабидзе, висящий на стене. Портрет готовился качать головой и грозить мне пальцем. – Мам, поговорим зав... Нет, послезавтра. Завтра я иду на день рождения.

Мама упёрлась кулаками в бёдра и набычилась. Ну, всё, сейчас выдаст.

– И когда ты уже приведёшь свою девушку? Мы хотим видеть её не только на фотографиях.

О чёрт!

– Мама, – тоскливо сказал я и начал протискиваться вперёд, – ну сколько раз можно повторять: Марина – не моя девушка. Она просто мой друг.

– Вот и приведи к нам своего друга! – крикнула мама вслед и продолжила, уже через закрытую дверь. – Водишь же ты сюда этих своих – Илью, Витю и Рому.

До свидания, подумал я, выставляя бутылки на стол и одновременно включая компьютер. Если до этого настроение было ниже плинтуса, то теперь оно и вовсе просочилось в подвал. Видимо, способа сделать всё ещё хуже просто не существовало.

О, я ошибся!

Зазвонил телефон. Марина. Я даже не знал: радоваться мне или идти за мылом и верёвкой.

– Привет, – сказал я и опёрся рукой о стол, – как дела?

– Лучше всех, – голос звонкий, с приятной хрипотцой, как послевкусие шоколада. – Подарок уже приготовил? Жду от своего верного рыцаря истинный дар, идущий от сердца.

– Иначе и быть не может, – я непроизвольно коснулся маленькой коробочки, перевязанной красным бантом. – Не хочешь сегодня прогуляться? Я – абсолютно свободен.

– Ха, какое счастье! – в голосе прорезалась нотка сарказма. – Ещё один абсолютно свободный. А я вот – нет. У меня, представляешь, завтра – день рождения, и я должна немного подготовиться.

– Помочь? Всегда готов.

– Кто бы сомневался... Нет, спасибо, не нужно. Я, собственно, звоню с официальным приглашением. Извещаю вас, милостивый сэр, что вы приглашены на торжественный вечер имени меня. Это – огромная честь, доступная лишь избранным. Цени.

– Ценю, – серьёзно сказал я и переложил трубку в другую ладонь, – а почему – вечер? Как же утро?

– А, эта засранка успела уже открыть все карты, – в Маришкином голосе прорезалась нервозность. – Ну и утро, конечно. Вы только не наберитесь до вечера. Угу?

– Постараемся. Слушай...

– Да?

Я замялся. Один раз я уже говорил, но тогда Марина свела всё к шутке. А у меня, честно говоря, ноги подкашивались.

– Я тебя люблю, – горло перехватило, и липкий пот по всему телу.

В трубке слышалось хриплое дыхание. Потом несколько отдалившийся голос неуверенно произнёс:

– Давай пока не будем об этом. Не нужно. В другой раз. Не надо портить мне праздник. Хорошо?

– Хорошо, – послушно сказал я и опустил на стул: ноги меня больше не держали, – больше не буду.

– Хороший мальчик, – в голосе звучало облегчение. – И вот ещё что... Ты прости меня. Ни о чём не спрашивай. Просто извини, и всё. Я знаю, как ты ко мне относишься, поэто-

му верю: сердиться не станешь. По крайней мере, долго. Не хотелось бы потерять хорошего друга. До завтра.

Я не успел ответить, а в трубке уже всю хозяйничали гудки. Отключённый телефон улетел в угол дивана, а я дрожащими руками откупорил бутылку и сделал длинный-предлинный глоток. Какого хрена это было? Я признался в любви, а мне зарядили какую-то непонятную фигню. Простить? За что?

Я посмотрел в глаза Миле Йовович, но старушка только пожала плечами с плаката и отморозилась, будто ничего и не было. Хм, и когда это бутылка успела опустеть?

Я думал погонять в Батлу, но понял: в таком состоянии это не имеет смысла. Тупо глядя в экран монитора, я допил вторую бутылку и выключил комп. Странно, но за окном успело стемнеть. Время, похоже, ускользнуло в какую-то норку и спряталось там, затаившись.

Я взял мятый кусок бумаги и старательно разгладил. Потом нацелился в сероватую поверхность так, словно собирался её прикончить. В каком-то смысле так и было. Словно рухнув в прорубь, быстро набросал несколько строк и принялся их изучать, будто это накалякал кто-то другой.

Воронам мой труп отдайте
Ночью тёмной, без просвета,
И над трупом не рыдайте,
Мне плевать уже на это.
В этой жизни только лихо,

Я покинул ваше стадо.
Надо мной скажите тихо:
Умер. Так ему и надо.

В написанном присутствовало нечто до боли знакомое. Поразмыслив, я сообразил, что это – Реквием Стивенсона, только вывернутый наизнанку.

– Ни хрена не можешь своего написать! – с ненавистью выдохнул я, и, скомкав несчастный листок, запустил им в угол комнаты, где уже отдыхали его многочисленные собратья.

В голове шумело. Поднявшись, я несколько секунд размышлял: раздеваться или нет. Нет, это слишком большая роскошь. Махнув рукой, я рухнул на неразобранный диван.

Снилась всякая фигня. Похоже на универ, но с пустыми коридорами и готичными потолками. Я пытался кого-то отыскать, но всё время оказывался в подвале, где мы сдавали лабы. В конце концов я понял, кого пытаюсь поймать. Себя. И тотчас проснулся.

Перед носом перебирал длинными лапками паук-косиножка, спустившийся с потолка на золотящейся в сиянии солнца паутинке. Я взмахнул ладонью, и проклятое создание шустро удрало вверх, дёрнув ножкой на прощание. Хорошо, мать не видела: она этой фигни терпеть не может.

Попытавшись подняться, я оказался вынужден слушать объяснения собственного тела. Конкретно, о том, как нужно правильно спать, дабы не болели бока, а шею не сворачивало

в сторону. В башке зудело, и деловито побулькивал мочевой пузырь. Утро начиналось крайне бодро.

По дороге к двери меня перехватил телефон. Звонил Илюха. Пришлось выполнять необходимые процедуры, используя одну руку, а второй нажимая необходимые кнопки.

– Ты в курсе, сколько времени? – осведомился друг, с хорошо различимой угрозой в голосе.

Я посмотрел.

– Теперь в курсе, – даже как-то неловко, – я быстро. Где вы?

– Под твоим подъездом, мля! Уже двадцать минут! У тебя телефон, от старости должно быть, глуховат стал. Поменять не желаешь?

– Обязательно, – мой несостоявшийся смартфон лежал на столе в коробочке с красивым бантиком. – Чуть раньше, чем скоро. Сейчас, побреюсь и...

– Офигел?! На приём собрался? Вечером наведёшь марафет. Пулей сюда.

Ну да, в его словах присутствовала суровая сермяжная правда. Какого чёрта? Всё равно меня никто не станет разглядывать. Там же будет Валик! Твою мать...

Я натянул потёртые джинсы, не менее потёртый джемпер и пулей выжужжал наружу. Дома, кроме меня, никого не было. Оно и к лучшему. Завтра огребу за свои прегрешения ото всех и по всем больным местам. А голова-то будет бо-бо! Охо-хо... Из всех пьяниц и дураков бог почему-то не любит

именно меня.

Пашина «девятка» скучала около трансформаторной будки. Илья показывал мне кулак, а на веснушчатой физиономии Паши цвела широкая улыбка. Одновременно он пускал разнокалиберные дымные колечки. Никогда не видел его в дурном настроении. Классный пацан! Таких нужно носить с собой. На счастье.

Наташа стояла, опершись локтями о спину своего грядущего супруга, и помахивала мне ладошкой. Спокойная и доброжелательная, как всегда. К ним замечательно ходить, если у тебя скверное настроение – лучше всякого психолога.

Ольга была рядом с Ильёй, но слегка отстранялась. На её лице цвела загадочная улыбка и предназначалась она именно мне. Оля, Оля, чего ты хочешь? Я же явно не тот, кто нужен тебе: не богат, не красив... Отвалила бы ты, а?

– Засранец! – поприветствовал меня мой лучший друг и ткнул в пузо кулаком. – А ну, дыхни, говнюк. Пиво пил? Пил, я тебя спрашиваю? Говори!

– Пил, – сознался я, – и буду пить.

– Россию пропили! – сокрушённо произнёс Илья и одобритительно похлопал по плечу: – Молодец, продолжай в том же духе.

– Рада видеть, – Наташа чмокнула меня в губы и дёрнула за нос. – Ты бы появился, хотя бы на лабах, Семёныч лютует.

– Отвяжись от человека, – Паша крепко пожал мою ладонь, и его солнечная шевелюра вспыхнула в лучах утрен-

него светила, – занят он, слышишь? Пиво пьёт. Если учёба мешает пить пиво – к чёртовой матери такую учёбу!

– Тоже очень рада, – поцелуй Ольги был почти таким же, как у Наташи. С нюансами, – почему не звонишь?

– Прости, – я перехватил Илюхин ревнивый взгляд. – Ну, поехали?

– Угу, – Паша выстрелил сигаретой, под неодобрительным взглядом какой-то бабули, и полез за руль, – занимайте места согласно купленным билетам.

Наташка тотчас заняла кресло рядом с водителем, а мы полезли назад. Чёрт его знает, как, но я почему-то оказался посредине. Кроме меня, этим нюансом оказался удивлён только один человек. Угадайте, кто? А эта чертовка только довольно ухмылялась.

Ощущая, как наманикюренные ноготки пробираются в мой карман, я достал телефон и попробовал позвонить имениннице. Оператор радостно извещал: дескать, абонент временно недоступен, чем вогнал меня в ступор.

– Я уже пытался, – в голосе Ильи появилась нотка напряжённости.

Ещё бы! Я в подобной ситуации начинаю сходить с ума.

– И не только я. Вот уже часа полтора, как у неё телефон не принимает. И домашний молчит.

Барометр моего настроения начал стремительно опускаться. А вот Ольгу это только веселило: её рука уже полностью пролезла в мой карман, и там... О-ох! Зараза!

– А Галя с Витьком? – быстро спросил я.

– Виктор доставит даму на своей карете, – чопорно ответствовала Натаха, – ему там на скутере пять минут по просёлочной. Сказал, что пиво будет обязательно.

– Дец, как мала, – проворчал я, – убьётся, дурень.

– И я хочу пива, – жалобно проскулил Паша и покосился на подругу.

– Хоти, солнышко, – она погладила его по рыжим кудрям, – хоти. Хотеть, говорят, не вредно.

– Поворот! – завопил Илья, и «девятка», клюнув носом, проскрипела нечто неприятное о своём водителе.

– Тшорт побъери! – Паша крутил баранку, одновременно уворачиваясь от затрещин, отпускаемых Наташей. – Я всё понял, прекрати!

Воспользовавшись суматохой, Ольга склонилась к моему уху и прошептала:

– А если ты сегодня не напьёшься – получишь бонус. Приятный.

Не знаю, хотел ли я этот подарок. И, тем более, не был уверен в том, что не нажрюсь, как скотина. Скорее, присутствовала уверенность в обратном.

Машина, глухо ворча, преодолела небольшой пригорок и, поскрёбывая днищем по густой траве, вползла в лесополосу. Здесь имелся один небольшой секрет, обнаруженный нами прошлым летом. С виду строй деревьев казался монолитным, но вблизи различался узкий проезд. Если проследовать

по нему, то, миновав несколько хитрых поворотов, попадёшь на обрыв, под которым медленно бежала наша местная речечка.

Секретное место находилось чересчур далеко для пешеходов, и было слишком скрыто от глаз быстро едущих автомобилистов. Посему, кроме нас, других туристов здесь никогда не наблюдалось. Чисто, пустынно и комфортно.

– Приехали! – каркнул Пашка и вывалился из автомобиля. – Кр-расота!

– Засранец, – откомментировала Наташа и отправилась догонять благоверного. – Стой, тебе говорю!

– Я пока не буду выходить, – Оля утомлённо откинулась на спинку, – голова разболелась просто ужасно.

– Наверное, укачало, – Илья выглядел встревоженным.

– Не обращай внимания, – девушка выглядела умирающим лебедем, – иди к остальным. Веселись. Я позже подойду.

Не в силах смотреть на этот фарс, я вышел наружу и отправился к нашей сладкой парочке. Чем хороша Марина, так это тем, что никогда не откалывает подобных стервозных номеров. Если не хочет тебя видеть – так и скажет.

Вот так обычно и говорит.

Пашка с Натахой стояли на обрыве и смотрели вниз. Там, на середине склона, росла мощная ива, чей ствол нависал над водой подобно необычному мостику. Можно влезть на дерево и наблюдать за медленно скользящим потоком. Мож-

но прыгнуть в реку под укоряющий визг девчонок. Можно...
– Гляди-ка, берег ещё больше подмыло, – пробормотал Паша и сделал вид, будто пытается спихнуть Нату вниз.
– Ай, дурак! – девушка пнула его под зад, и парень сбежал вниз, расставив руки, словно крошечный рыжий самолёт. – Осторожнее, балбес!
– Ещё немного, и дерево упадёт, – зачарованно глядя на бурый поток, прошептал я, – что-то тогда закончится...
– Всё в порядке? – спросила Натаха и повернула мою голову к себе. – Ты мне совсем не нравишься последнее время. Идиотских мыслей больше нет?

– Нет, – грустно ответил я, – только идиотские стихи.

– Читай, – приказала Наташа. – Давай-давай.

Я пожал плечами:

На берег набежит волна
Стерев следы с песка,
Свой бросит сверху взор луна,
Пробудится тоска.
Тоска по той, чей след волна
Затёрла на песке,
По той, что, странно холодна,
Исчезла вдалеке.
Тоска источит сердце мне,
Оставив пустоту.
След на песке исчез в волне,
Разбив мою мечту.

Мечту о той, чей слабый след
Унёс вечерний бриз.
О как же много тяжких бед
Принёс её каприз.
Мечта моя умчится вдаль,
Исчезнет под водой,
Уйдёт она, придёт печаль
С холодной луной,
Печаль о той, чей милый взгляд
Растаял в тишине
И, словно самый сильный яд,
Печаль сейчас во мне.
Тоска пройдёт, уйдёт печаль,
Растает след мечты.
И одного мне только жаль:
Что вдаль уходишь ты...

– Ага, значит, меня спихнула вниз, а сама тут стишочки слушает, – пропыхтел Паша, выкарабкиваясь наружу. Его нос оказался измазан жёлтой глиной, – подлая изменщица!

Наташка нацелила на него палец с длинным ногтем, окрашенным в чёрный цвет:

– А почему ты мне не сочиняешь стихов? Бесчувственная скотина!

– Да, я такой! – гордо сказал Пашка и выпятил грудь. – Во-первых, не умею, а во-вторых, ну подумай: я же – счастливый человек, зачем мне писать стихи? А вот это, – он указал на меня, – несчастный влюблённый, ему так положено.

– Нет, ну точно – скотина бесчувственная! – девушка подошла ко мне и обняла. – Вот уйду к нему, будешь знать! А он мне будет стихи писать.

Пашка не выглядел смущённым или растерянным. Он потёр нос и внимательно изучил грязные пальцы. Потом ткнул пальцем вниз.

– Я там одну штуку странную нашёл. Похоже, водой вымыло. Тяжеленная фиговина, сам даже поднять не смог. Пошли, помо...

Затарактело, и мы оглянулись. Из лесочка вылетел красный скутер о двух головах и в клубах пыли, затормозил рядом с девяткой. Илья сумел уговорить Ольгу выбраться наружу, и теперь девушка строго выговаривала Витьку, снимающему шлем. Его пассажирка, не став дожидаться окончания гневной тирады, успела чмокнуть Илью в щёку и теперь, пританцовывая, мчалась к нам. Эдакий чертёнок с блестящими глазами и румянцем на высоких скулах. Если бы не любил Маришку, наверное, влюбился бы в её сестру.

Угу-угу, хмыкнул внутренний голос, хрен редьки не слаще! Пополнил бы когорту поклонников, не имеющих доступа к телу.

Галя дотанцевала до нашей группы и начала раздавать поцелуи, не особо жмотясь при этом. Свои блестящие глазки она почему-то прятала, словно нашкодивший котёнок. К чему бы это? К дождю, ехидно отозвался внутренний голос.

– Я тебе вчера сообщение скинула, – известила девушка,

и кончик её курносика порозовел, – читал?

– Я почти не проверял, – ещё интереснее, какого хрена вообще происходит?

– Ну и ладно.

– Всё ещё не определилась, ветреница? – Наталья не одобряла Галькину эскападу, шпыняя при всякой встрече. – Допрыгаешься, стрекоза!

– Уже допрыгалась, – сообщил подошедший Витёк и громко зевнул, – сегодня, в полчетвёртого, ко мне домой. Пряталась от каких-то козлов.

– В «Максиме» познакомились, – ничуть не смущаясь, пояснила героиня обсуждения, – обещались домой отвезти, ну и, в общем, обещания не сдержали. Пришлось очень быстро сваливать в первое попавшееся место.

– Этим местом оказалась моя квартира. Думаю, папик будет завтра шкуру снимать. Опять двухчасовое вливание про пораужевзятьсязаум.

– Знакомо. Знакомо.

Подошёл Илья, едва ли не силой буксируя Ольгу, источающую галлоны лимонного сока. По крайней мере, физиономия у девушки была такая, словно она объелась кислятины. Илюхины глаза в этот момент напоминали такие же, но у больного пса. Последнее время частенько вижу похожие. В зеркале.

– Ну что, по пивку? – жизнерадостно предложил Паша, и получил от Натахи локтем в бок. – О-ох, дык я же про вас

беспокоюсь! Наташа, как ты могла подумать? Я же ни-ни, до вечера.

– Очень на это надеюсь, – в голосе его подруги лязгнул металл, – и попробуй мне вечером перебрать! Заставлю кур-совик с утра делать. Мой.

– Может, всё-таки дождёмся виновницу торжества? – предложил я. – Вроде как день рождения готовились отмечать.

– А давайте будем пока начинать без неё, – как-то уж совсем бодро предложила Галя, и уши у неё стали пунцовыми, – пока то да сё...

Все умолкли и повернулись к ней. Теперь девушка стала красной с ног до головы. Это, конечно, придавало ей определённый шарм, но мне сейчас было не до того.

Витёк стряхнул со лба соломенную прядь и негромко сказал:

– А ну, колись, ночная гостья. Это имеет какое-то отношение к твоему утреннему разговору? О чём ты там трепалась с сестрой, и почему её телефон молчит?

– Ну и чего вы на меня уставились? Я-то тут при чём? Позвонила, сказала, дескать, к речке они не придут, попросила извиниться, ждёт всех вечером. Всё.

– Твою мать, – сказал я и сел на краю обрыва. Ощущение было такое, словно врезали по пузу. Понятно, чем она сейчас занимается. – Надо было взять водки.

– Я взял, – буркнул Витёк и сел рядом, – как жопой чуял.

Позвонила вчера, извинилась. Ещё думал: какого хрена?

– Тебе тоже? – спросил я. – Понятно. Тяни водку сюда.

Витя встал и вдруг его нога поехала на жёлтом потёке глины. Не удержавшись, товарищ едва не кубарем съехал вниз.

– Вот чёрт! – выдохнул Илья над моей головой, и мы бросились на помощь.

Витёк стоял на четвереньках около самого берега и громко матерился. Его джинсы оказались грязны чуть менее, чем полностью, а вся левая половина лица измазана жёлтым. Хоть сейчас на съёмки «Храброго сердца 2». Однако при этом, судя по всему, он не получил ни единого ушиба.

– Улыбочку! – попросил Паша и несколько раз щёлкнул неудачника телефоном. – Прелестно, прелестно!

– Говнюк ты, Паша, – Витька сплюнул глиной и наклонился над рекой. – Красавец, мля...

– А, кстати, – Пашка повертел головой, – где эта хрень... Ага, вот. Помогите вытащить, а то тяжёлая, зараза.

Тяжёлая зараза оказалась чем-то вроде прямоугольного ящика, обросшего каменным панцирем. Весила эта ерунда килограммов сто, не меньше. И ни единой ручки. В общем-то каменную хрень можно было запросто принять за обычный булыжник, если бы не пара нюансов. Во-первых, форма – идеальный параллелепипед, без малейшего изъяна. Ну и, главное, у штуковины имелась совершенно чёткая разделительная щель, поэтому ларчик был обязан открываться.

Тяжело пыхтя и ежесекундно поскальзываясь, мы-таки

смогли выпереть проклятую штуковину наверх. Всё это время за нашими спинами слышался громкий плеск и не прекращались издевательские комментарии. Витёк развлекался. Надо будет его ещё раз мордой извозить!

– Что там? – брезгливо осведомилась Ольга и ткнула ящик носком туфли. Обалдеть, я только сейчас обратил внимание на её шпильки. На пикнике!

– Ща узнаем, – Паша достал из кармана нож и разложил его, целясь в щель на боку находки, – ща...

– Балда, а если это – взрывчатка? – совершенно спокойно осведомилась Натаха. – Узнаешь тогда, есть жизнь после смерти, или нет.

Ольга и Галя на всякий случай отступили назад. Мне, честно говоря, было всё равно. Да и не походила эта штука на вместилище боеприпасов. Станным казался лишь её вес, при относительно небольших габаритах.

– Фигня, не может быть, – Паша воткнул лезвие ножа в чёрную полоску, – да и в воде оно лежало: отсырело бы. Блин!

Нож жалобно лязгнул и сломался.

– Может, кнопка какая-нибудь? – предположила Галька и приблизилась на один шаг. Ольга осталась на месте и прикусила нижнюю губу.

Я молча отодвинул Павла, горящего над сломанным ножом, и стал ощупывать гладкую холодную поверхность. Ни выступов, ни впадин – ничего. Когда пальцы коснулись узкой

полоски щели я, повинуюсь внезапному импульсу, потянул вверх. Внутри очень тихо щёлкнуло, и тяжеленая крышка с лёгкостью откинулась.

– Очередная победа опытного медвежатника, – Илья хлопал меня по плечу, – поделись секретами мастерства.

– Переходи на тёмную сторону силы, Люк, – пропыхтел я, – ещё и не такому научим. Кроме того, у нас имеются печенки.

– Ух-ты! – протянула Галя и облизнула губы острым язычком. – А потрогать можно?

Теперь стало ясно, откуда эта неподъёмная тяжесть. Ящик не обрастал камнем: он и был каменным. Целиком. За исключением крохотного пространства в середине. Именно здесь, в небольшой прямоугольной выемке, устланной чем-то, напоминающим чёрный бархат, лежало то, что Галя хотела потрогать.

Пять медальонов, по виду сделанных из золота. Четыре – сантиметров пять в диаметре; пятый – чуть крупнее. На самом большом и одном маленьком – львиные головы, на оставшихся – головы львиц. Изображения даны в профиль, причём гравировка настолько реалистична, что львы казались живыми: тронешь пальцем – укусят.

– Пряма-таки прайд, – задумчиво сказал Илья. – Интересно, откуда всё это?

– Что такое прайд? – спросила Галька и, высунув от избытка чувств язык, прикоснулась пальцем к одному из меда-

льонов. – Ух! Холодный. А надеть можно?

– Прайд – это семейство львов, – пояснила подошедшая Ольга и присела на корточки рядом с распахнутым ящиком. – Эх, молодо-зелено. А вот этот – самый большой, похоже, для предводителя прайда.

Она подняла голову и, прищурившись, посмотрела на меня. В зелёных глазах плеснулось дьявольское пламя. Не к добру. Внезапно девушка протянула руку и вытащила самый большой медальон из углубления, где он покоился. Её пальцы как будто миновали некую прозрачную плёнку, но это могло и просто почудиться.

Ольга встала, подбрасывая медальон на ладони, и, сам не зная, почему, я тоже поднялся. Илья встревоженно глядел на нас, и я вновь заметил отсвет подозрения в его глазах. Идиотская ситуация.

– И главный приз вручается... – Ольга недобро ухмыльнулась, – вручается...

Я и опомниться не успел, а она протянула руки и надела медальон на мою шею. При этом её лицо оказалось совсем рядом с моим. Губы – тоже. Ледяной ожог там, где пятак опустился на грудь, и огненный – там, где её губы коснулись моих.

– Какого? – это Илья. – Оля?..

– Уже двадцать два года, как Оля! – зло отрезала девушка. – Отвали!

На лице Илюхи проступило недоверие. Потом он посмот-

рел на меня и прищурился. Начало доходить. Прощай, друг. И спрашивается: зачем оно мне нужно?

– Ваш ответный ход, – улыбнулась Ольга и показала на ящик.

Словно в трансе, я наклонился и вытащил медальон с изображением львицы. Что за фигня? На бархатной подушке, чуть выше блестящих кругляков, обнаружился ещё один предмет: браслет из такого же жёлтого металла. Пожав плечами, я поднялся и осторожно надел кулон на длинную шею Оли. Ещё один поцелуй не заставил себя ждать. В этот раз он оказался дольше первого – явно в пику Илье. Очень жестоко, чёрт побери!

Натаха только головой покачала, наблюдая за всем этим издевательством. Похоже, лишь жизнерадостному Паше в голову не пришло, что происходит весьма нехорошая хрень. Он тихо пробормотал под нос какую-то считалочку и, подхватив ещё одно украшение, неуклюже нацепил его на свою девушку.

– Всё для тебя!.. – начал петь он, и Наташа тотчас заткнула его немзыкальный рот, закрыв ладонью.

С каким-то угрюмым остервенением Илья протянул руку и надел предпоследний медальон. Потом вызывающе взглянул на Ольгу. Однако той было не до него: она сосредоточенно разглядывала новый аксессуар и хмурила лобик, легко поглаживая пальчиком голову львицы.

– Эй-эй! – обиженно крикнула Галька и вцепилась в по-

следний кулон, – я же первая попросила! У-ух, какой же он холодный!

– Р-р, – негромко рыкнул я, и Паша оглушительно расхохотался. – Ну всё, теперь мы настоящий прайд.

– А что это вы тут делаете, а? – над обрывом появилось лунообразная физиономия Витька, кое-где не до конца вымытая.

– Иди, мальчик, погуляй, – Наташа гладила золотой медальон на груди и почему-то морщилась, – всю малину упустил.

– Тут была раздача слонов, без перерыва, – Илья сплюнул и достал пачку сигарет. – Твою мать, попили пивка!

Не в силах сдержать его бешеный взгляд, я вновь присел и тронул сиротливо лежащий браслет. И тут случилась какая-то, совершенно непонятная, чертовщина: штукovina словно подпрыгнула и во мгновение ока оседлала моё запястье. Вот именно так: только лежала на чёрной подушке, а через секунду холодит кожу. Я отпрянул назад и хлопнулся на задницу, испуганно глядя на неожиданное украшение.

– Ты чего? – осведомился Паша и уставился на мою руку. – А это откуда взялось?

– Да что у вас происходит? – Витя решительно ничего не мог понять. – Вы уже бухать начали? Оп-па, Галюха, откуда у тебя эта фиговина? И у Оли, тоже... Илья, чёрт! А мне?

– Рука не в том повидле, – Илья закурил, сделал пару затяжек и отбросил сигарету. – Кто на поезд не успел – тот и

не уехал.

– Бешеный какой, – Витя пожал плечами.

Всё это время я пытался стянуть излишне самостоятельную железяку, но она, казалось, приросла ко мне, отказываясь двинуться даже на миллиметр. К счастью, никакой боли я не испытывал. Напротив, где-то внутри родилось и начало распространяться ощущение странной эйфории. Этот ничем не обоснованный восторг уничтожал все неприятные мысли и наполнял тело силой и желанием двигаться. Кажется, подобное испытывал не только я.

– Хорошо-то как, – почти пропела Галька и запрыгала на одной ноге. – Хорошо, хорошо, очень хорошо!

– Странно, – Ольга потянулась, и на её лице расцвела широкая улыбка, – давно себя так не чувствовала.

Наташа продолжала ощупывать медальон, но теперь её движения обрели некую плавность, словно она ласкала необычное приобретение. Потом девушка склонила голову, будто прислушивалась к чему-то внутри, и улыбнулась. Даже Илья, казалось, удерживал хмурую мину на лице лишь через силу.

– Эй, я тоже хочу попробовать! Галчонок, дай поносить.

– Руки! – строго сказала Галька и сильно стукнула по протянутым пальцам. – Мыли? Иди, погуляй.

– Илья, – Витя обернулся, – ну хоть ты будь человеком...

– Потом, попозже...

Я вдруг совершенно чётко осознал одну простую вещь:

попроси меня сейчас кто-нибудь отдать медальон – я бы отказал. Не могу понять, почему, но эта штукавина так хорошо заняла своё место, словно превратилась в часть моего тела.

А если бы попросила Марина? – ехидно осведомился внутренний голос, вынудив глубоко задуматься. Странное дело, попроси она меня раньше, и я бы жизнь за неё отдал! А вот медальон – нет.

Поднявшись, я дёрнул рукой, пытаюсь избавиться от несчастной железки. Это скорее был жест отчаяния, но он сработал! Браслет сорвался с запястья, где так прочно обосновался и, пролетев метра полтора, повис в воздухе. Чудеса продолжались.

– М-мать! – выдохнул Паша. – А чего это он не падает? Как это ты его?..

– Ха, если бы я ещё сам знал! – я подошёл ближе и обнаружил, что колечко стало заметно больше. Теперь в него запросто пролезла бы даже голова. – Какого хрена...

– Там, внутри, как-то не так, – прошептала подошедшая Ольга и положила голову на моё плечо. – От тебя так пахнет, я с ума сойду!

Наверное, мы все начали сходить с ума: внутри висящего колечка наблюдался совершенно незнакомый пейзаж. Я изумлённо рассматривал огромное иссиня-чёрное озеро с небольшим зелёным островком посередине. Вокруг водоёма поднимались стройные белокорые деревья с широкими пятнистыми листьями на густых ветвях. В безоблачном небе

вовсю палило солнце, жар лучей которого ощущался даже здесь.

– А увеличить экранчик можно? – поинтересовалась Галка. – Эй, а там – красиво! Хочу туда.

– Действительно, – согласилась Оля, но в её голосе ощущалась снисходительность, – осталось найти бутылочку с надписью: «Выпей меня», и уменьшиться.

Все, словно зачарованные, разглядывали золотистый обруч, повисший в воздухе. Картинка внутри выглядела настолько реальной, что казалось: протяни руку... Илья поднял руку и сунул её внутрь дырки. Я глухо заворчал, но он только пренебрежительно дёрнул бровью.

Галя покрутила головой, рассматривая браслет с ребра, и захихикала. – Илюшка, а у тебя ручечки-то и нету!

– Дура, не накаркай! – шикнула на неё Наташа. – Илья, немедленно вытаскивай! Не дай бог, закроется, что тогда будет?

– Сделаем ему крюк, – предложила Ольга, – будет сниматься в пиратских фильмах.

Продолжая пребывать в некотором ступоре, я обошёл странный обруч, наблюдая, как он превращается в жёлтую полоску (у Ильи словно заканчивалась рука), а потом – в расплывающееся пятно неопределённой формы. Я попытался ткнуть пальцем в аморфное нечто и упёрся в упруго-несокрушимую субстанцию, словно покрытую жирной смазкой. Стало противно, и я нервно отёр пальцы об одежду.

– Ну, так туда можно как-нибудь залезть? – Галя обращалась ко мне, и, в ответ на недоумённый взгляд, пояснила: – Так это же ты запустил эту фиговину!

– Думаешь, я специально? Да она такая же самостоятельная, как ты – сама на руку налезла, сама слетела.

– А мне бабочка на палец села, – блаженно улыбаясь, сообщил Илья, – щекотится. Самая настоящая бабочка. О, улетела...

И тут Витьку, который всё это время разглядывал нас с некоторым недоверием пополам с удивлением, наконец прорвало. Он поднял сжатые кулаки вверх и возмущённо заорал:

– Да у вас что, крыши у всех посрывало? – парень схватил Илью за одежду и оттащил прочь от дырки в пространстве. – Вы, наверное, каждый день видите такие штуки? Или в инете прочитали, как ими пользоваться? Это же какая-то совершенно непонятная фигня! Может, инопланетная, может – военные придумали. А если эта дрянь вообще радиоактивная? Давайте позвоним, ну, я не знаю... Журналистам, что ли, или властям каким сообщим.

– Остынь, – я положил руку на его плечо. – Витя, перед нами самое настоящее чудо, и пока оно принадлежит только нам. Приедут, заберут, а ты дашь маленькое интервью какому-нибудь задрипанному каналу. И на этом чудо закончится.

– А ты что предлагаешь? Положить в карман? Сунуть под кровать?

– Ну, зачем же, – повинуюсь некой неясной и самому мыс-

ли, я положил ладони на тонкие твёрдые стенки отверстия и попытался их раздвинуть. Как бы так ощутить себя Петром, и окошечко... Чёрт!

Отверстие начало расширяться, но я ощутил жуткую, почти невыносимую боль в ладонях. Казалось, я держу два раскалённых стержня, и они сжигают мою кожу. Ощущение ожога ползло всё дальше, распространяясь от кистей к предплечьям и ещё выше. Не выдержав боли, я начал кричать, но почему-то продолжал раздвигать золотой обруч. Оглушительный хлопок отшвырнул меня прочь, и я оказался сидящим на траве и удивлённо разглядывающим совершенно нетронутые ладони. Ни ожога, ни царапинки, вообще ничего.

Сидящая рядом Наташа хлопнула меня ладонью по физиономии, и я недовольно зашипел.

– О, живой! – в голосе Ильи слышалось облегчение. – Ну ты и вопил! И нафига ты это сделал?

Если бы ещё я сам мог объяснить!

– Девочки просили, – тупо ответил я и поднял голову, разглядывая широкое, больше метра в диаметре, кольцо, повисшее в воздухе. – Теперь можно зайти, погулять.

– Зайти, погулять, – как-то неопределённо протянул Илья и провёл рукой по груди. – Если человек – идиот, то это надолго. Мы, вообще-то, испугались.

– Точно, – сообщила ухмыляющаяся Галькина физиономия и чмокнула меня в нос. – Спасибо, ты – лапа!

– Нет, он – дубина! – Витёк был мрачен, как туча. – Не хотите меня слушать, а тут хрень какая-то творится. Ещё раз говорю...

– Не слушай его, он дурачок, – Оля шептала мне в ухо и, поддерживая под локоть, помогала подняться, – пошли, проводишь меня в эту дырочку...

Я покосился на неё: уж больно двусмысленно произносилось последнее слово. Получил в ответ столь же двусмысленную улыбку, и поднялся на ноги.

Паша с Ильёй уже стояли около загадочного кольца и заглядывали внутрь, обмениваясь короткими репликами. Потом Павел несколько раз сфотографировал незнакомый пейзаж и полез внутрь. Ничего не произошло: никаких вспышек, искр, дыма и прочей мистики. Парень просто перелез на другую сторону, словно преодолел дыру в невидимой ограде. Впрочем, возможно, так оно и было.

Илья, помедлив пару секунд, отправился следом. И снова – ничего. Похоже, у режиссёра, снимавшего эту сцену, не доставало денег на спецэффекты.

– А здесь – жара! – крикнул Паша и начал сбрасывать ветровку. – Наверное, и купаться уже можно. Ща проверю!

– А в озере крокодилы, – угрюмо заметил нахохлившийся Витя, – например. Жопы вам всем пооткусывают.

Зря он это сказал. Побледневшая Натаха одним прыжком преодолела барьер и, оказавшись по ту сторону, побежала следом за своим парнем, успевшим добраться до песчаного

пляжа. Паша пытался сбросить джинсы, а Ната бешено грозила ему кулаком.

– Мы же ненадолго, – бормотала Галя, с видом нашкодившего котёнка, – я даже звонить не буду. Полчасика – и мы назад.

Выдав ещё пару фраз в том же духе, маленькая засранка опёрлась о плечо угрюмого Вити и с жизнерадостным визгом перепрыгнула золотистый обруч. Потом, продолжая верещать, пулей рванула к остальной компании, выясняющей отношения на берегу водоёма.

– Мы отстаём, – прошептала Оля, и вдруг, совершенно неожиданно, поцеловала меня. Да так, что отдыхают любые французы с их извращениями. Слаб человек. Тем более страдающий от неразделённого чувства.

– Ну, вы, блин, даёте! – выдохнул Витька, который в конце концов обратил внимание на мелодраму за спиной. – Вы бы хоть при Илюхе таким не занимались. Ему и без того хреново.

– А кому сейчас легко, – отозвалась Ольга и рассмеялась. – Учить тебя ещё надо: навык целования абсолютно не прокачан. Идём.

Чёрт. Совершенно странное ощущение. Я продолжал любить Марину, и моя душа рвалась на части при мысли о том, чем она сейчас скорее всего занимается, но с другой стороны... Рядом была красивая девушка, которая желала быть со мной. И я, чёрт меня побери, почти любил её. Но при этом

совесть неутомимым хомяком грызла меня, напоминая, кто именно безответно влюблён в Ольгу. Мой лучший друг. Пока ещё...

А тут ещё и диковинные дырки в пространстве, ведущие непонятно куда. И на всё это накладывается неустанно усиливающаяся эйфория.

Когда мы, взявшись за руки, перебрались через золотой барьер, у меня возникло странное ощущение. Казалось, достаточно посильнее оттолкнуться ногами от земли, и я полечу к высокому фиолетовому небу. Кстати, немного странная окраска для небосвода. Куда это мы попали?

Около озера продолжалось чёрти что. Паша, в одних семейных трусах, понутив голову, выслушивал всевозможные эпитеты в свой адрес, мгновенно соглашаясь с каждым. В это же время Галя, закатив штаны до колена, бегала по мелководью, поднимая фонтаны брызг и разрывая воздух воплями восторженного поросёнка. Илья, с угрюмо-сосредоточенным видом, сидел на буром валуне, торчащем из воды, и блинчиками запускал маленькие плоские камешки.

Я оглянулся: Витёк стоял за светящимся ободом и смотрел на него так, словно тот был злобной собакой, оскалившей зубы. Потом поднял голову и уставился на нас с Олей. Девушка легко сжала мои пальцы, напоминая о своём существовании. Это возбуждало. Марина так никогда не делала.

– Иди, – сказал я, – скажи, пусть ведут себя по-человечески; мало ли, куда нас занесло.

– Ну, если ты так говоришь, – насмешливо прошелестела Ольга, и её тонкие пальчики неуловимой водой вытекли наружу. – Не задерживайся, пропустишь всё веселье.

Я подошёл к пространственной дыре и вопросительно взглянул на своего товарища по другую сторону. Станный у него был вид. Станный и смешной, как у нахохлившегося воробья. Я рассмеялся, и Витька недовольно дёрнул щекой.

– Вы все рехнулись, – нервно бросил он. – Такое ощущение, будто вам досталась атомная бомба, а вы на радостях бросились её разбирать. Ах, как весело! Ах, как забавно! А давайте ещё парочку проводков перережем – вдруг бабахнет!

– Может, хватит? – поинтересовался я. – Это не бомба, всего-навсего прокол в пространстве. Телепортация, слышал такое?

– Чего уж там, – Витька и не думал сдаваться, – конечно, слышал. Каждый день, мля, только и вижу, что дырки в воздухе. Я же говорю: с ума посходили. А если эта фигня возьмёт и захлопнется, что тогда?

– Делов-то! – я махнул рукой. – Откроем снова. Больно, конечно, но не смертельно.

– Выбирайтесь-ка вы оттуда, попьём пивка и пойдём на днюху.

– Сдаётся мне, – медленно протянул я и непроизвольно коснулся кулона на груди, – никто нас там не ждёт. По крайней мере, сейчас. Поэтому уж лучше вы – к нам. Идёшь? Или: жим-жим?

В глазах у Вити появилось тоскливое выражение. Словно он понимал: всё будет плохо, очень плохо, но не мог повернуть назад. Парень медленно опёрся обеими руками о золотистый обод и попробовал на податливость. Тот, естественно, никак не отреагировал. Похоже, мы проделали постоянный лаз в лето. Класс! Будем продавать билеты.

Тем временем Витёк опасливо перенёс одну ногу, потом – другую, и осторожно спрыгнул рядом со мной.

– Бабах! – рывкнул я, заставив его вздрогнуть и обернуться.

Дыра оставалась неизменной, демонстрируя весенний пейзаж с полуголыми деревьями и ослепительно-зелёной травой. Забавный контраст: здесь – жара, а из отверстия веет прохладой.

– Идиот психованный! – взревел Витя. – Я чуть не обосрался от твоих бабахов!

– Ну, прости, – миролюбиво сказал я. – В качестве компенсации на сегодняшнем торжестве оставляю именинницу в твоём полном распоряжении.

– Ха! И ещё раз ха! – он наклонился и набрал в ладонь серебристый песок. – Запах странный... Шутки он шутит. Смотри, чтобы тебе Илюха физию не начистил. Ох, чую, будет сегодня ещё та веселуха!

– Вы идёте? – крикнула Галка, продолжая взметать фонтаны брызг. – Водичка тёпленькая! Будем купаться!

Я рассмеялся: давешняя эйфория не торопилась меня по-

кидать, отчего окружающий мир казался позолоченным и гладким. О-очень странное ощущение, но мне нравилось. Я медленно сбросил обувь с носками и пошёл к озеру, загребая песок пальцами. Ух ты, как хорошо!

Паша, продолжая внимательно слушать Наташкины нотации, умудрился мелкими шажочками забрести по пояс в искрящуюся воду. Его подруга преследовала беглеца, подворачивая полы юбки по ходу погони. Похоже, вода понравилась и ей, потому как накал проповедей мало-помалу сходил на нет.

Галя в конце концов тоже утомилась и села на камень рядом с Илюхой. Видимо, решив развеселить парня, девушка брызгала водой на его мрачную физиономию. Илья морщился, но не всерьёз, и исподтишка плескал на обидчицу. Ну ладно, может, его и попустит, со временем. Не хватало ещё одного клина во всех наших отношениях.

Источник раздора расположилась на песке у самой воды и загорала, подставляя солнцу аппетитный животик. Единственная нерасстёгнутая пуговица блузки кокетливо прикрывала часть бюстгальтера, позволяя беспрепятственно любоваться всем остальным. Закрытый глаз приоткрылся, подмигнул мне и вновь захлопнулся. Потом изящная ладошка несколько раз хлопнула, взметая песчинки. Хм, намёк понят.

Я сбросил рубашку, раздумывая, не последовать ли примеру Паши, но решил воздержаться. Всё же у меня нет таких

роскошных труселей!

– Хорошо, – пробормотала Оля, дождавшись того момента, когда я лёг рядом, и положила голову на мой живот, – а так – ещё лучше. Как думаешь: где мы сейчас?

– Не могу знать, – отrapортировал я, роняя голову на колющее ложе и, прищурившись, уставился в бездонное небо, – но определённо южнее родных пенат. Тут вроде как лето.

– И воздух, воздух, – сонно причмокнула Оля, – словно всё вокруг из гладкого золота.

– Хм, – задумался я в некотором замешательстве, – думаешь, всё дело в воздухе?

Ольга мурлыкнула и провернулась ужом, разместив голову на моей груди. Волосы рассыпались, и я неторопливо пропустил их сквозь пальцы. Слепящий свет здорово пошутил с окраской, превратив девушку в блондинку.

– От тебя здорово пахнет, – сказал я, и она рассмеялась:

– Чудо, а не комплимент! Скажи ещё: ты такая приятная на ощупь!

– Ты – такая приятная, на ощупь, – я провёл пальцем по её шее, против своей воли размышляя о Марине. Как она сейчас... Болело, но уже совсем не сильно. Словно костёр, пылавший внутри, начал гаснуть, превращаясь в угли, а те мало-помалу покрывались сизой плёнкой золы. Пусть так и будет. Я слишком устал от этой непрерывной тупой боли в груди. – Хочется тебя облизать, а ещё лучше – укусить!

– Ух ты, – она подняла голову и сверкнула глазами, – мой

лев!

Рядом, со всей удалью не по возрасту располневшего тела, обрушилась мокрая туша, обдав нас настоящим фонтаном песочно-водяных брызг. Ольга поморщилась, но промолчала: видимо, идиллическое настроение, охватившее её, не допускало скандальных начинаний. Впрочем, нашлось кому объявить выговор расшалившемуся бегемоту.

– Паша, ты – настоящее животное! – юбка Наташи была подоткнута почти до пояса, и ничто не мешало оценить чуть полноватые, но тем не менее весьма красивые ноги. – И ты вторгаешься в личное пространство. А ну, пошёл вон!

– Гы-гы! – откликнулся наш интеллеktуал и лениво перевернулся на спину, явив свету пузо, облепленное мокрым песком. – А мы собирались к туркам ехать. Ещё бы пивка...

– А что, если отпраздновать здесь? – Галчонок тут как тут, сбросила джинсы и демонстрирует всем белоснежные стринги. – Тут – прикольно! Да и вообще, прикиньте: мы пролезли через дырку в воздухе и попали в лето. Сеструха офигеет!

– То самое слово, – Илья подбрасывал на ладони медальон, но смотрел только на нас с Олей. – Надо пользоваться этой штуковиной, пока её у нас не отобрали. Идея насчёт дня рождения не так уж хренова.

– А я по-прежнему считаю, что это может быть опасно. – О, Витёк здесь! – Дырка может захлопнуться в любой момент.

– Пойдём пешком, – Наташа села рядом с благоверным и

пихнула его пяткой в бок. — Пашунтий, мотнись кабанчиком за пивком. Только подштанники натянуть не забудь, будь любезен. Чай, не лето за окном. А ну — живо, я сказала!

Похоже, она дрессировала своего парня по методике спецназа: не прошло и десяти секунд, а Павел уже прыгал на одной ноге к пылающему кольцу, пытаясь одновременно ускорить темп и натянуть хотя бы одну колошу джинсов. Универсал, одним словом.

— У кого-нибудь есть идеи, куда нас занесло? — осведомился я, не открывая глаз и пытаясь разобраться в странном чувстве, возникшем внизу живота. Словно там объявился крохотный ледяной червячок, ползущий вверх.

— Жарко, — отозвался Илья, — и деревья какие-то непонятные. У нас таких не видел.

— Кажется, я видела похожие в Крыму, около Судака, — с некоторым сомнением сказала Ната, — или в районе Ялты. Но я не уверена.

— Да нет, ни хрена это не Крым, — возразил Илья, — да и сама подумай: всё-таки курортная зона, а здесь такое офигенское место и нет ни единого признака человека.

— Турция? — предположила Галя совершенно беспечным тоном. Похоже, ей было глубоко пофигу, куда нас занесло. — Египет?

На этом перечень курортов, знакомых ей, закончился, и она умолкла. Никто даже не пытался комментировать.

Странно, червячок куда-то исчез, оставив взамен давле-

ние на барабанные перепонки, словно меня забросило на дно океана. Я приложил пальцы к ушам и открыл глаза. Все остальные, кроме Вити, делали то же самое: ощупывали ушные раковины.

– Вы это чего? – поинтересовался ошарашенный Витёк, оглядывая нас.

– А-а! – взвизгнула Галя и бешено затрясла головой.

Я услышал дикий свист, окончившийся громогласным хлопком. Ната и Ольга, прижимая побелевшие пальцы к вискам, повалились на песок, а Илья присел, скорчив такую гримасу, словно его ударили по затылку. Да я и сам чувствовал себя не лучше: попытавшись встать, получил удар световой плетью по глазам и разрывающую боль внутри черепа.

– Ч-чёрт! – встать всё-таки удалось, хоть земля и пыталась убежать из-под ног. Однако какие-то туманные клочья продолжали застилать глаза. – Что это за фигня была?

– О чём ты? – почти кричал Витя, пытаясь поднять сопротивляющихся девчонок. – Какого хрена с вами происходит?!

– Такое ощущение, – Наташа едва ворочала языком, – будто резко скакнуло давление. У водолазов есть такое...

Я, прищурившись, глядел на Илью, неподвижно сидящего на песке, и он посылал в ответ такой же нервный взгляд.

– Скажи мне, – медленно произнёс я, не решаясь повернуть голову, – это не то, о чём я думаю?

– Ха! – каркнул он. – Легче станет?

Пришлось посмотреть. Ну, вроде бы ничего не измени-

лось: фиолетовое небо, ослепительный шар светила, низкий горизонт с щетиной деревьев, Паша, нелепо раскорячившийся посреди пейзажа... Всё? Ничего не забыл? Ах, да: куда-то исчезло золотистое колёсико, впустившее нас сюда – наша тропинка в родные места.

– Похоже, у нас появились небольшие проблемы, – медленно, ещё медленнее, почти в рапиде, сказал я. – Витя, если тебе станет легче, я могу сказать: ты – молодец, и всё правильно говорил. Видимо, мы в жопе.

Выдав эту тираду, я положил руку на медальон и мгновенно успокоился. Ух, ты! Классная штука! Секунду назад у меня поджилки тряслись, а теперь я собран и готов к любым неприятностям. Как ни странно, но все остальные повторили мой жест, и кажется, наши чудесные украшения помогли и им. Девочки даже начали улыбаться.

– Прорвёмся, – сказал я, – ещё не всё потеряно.

– Эт-то точно, – откликнулся Илья без малейшей дрожи в голосе.

Витя ничего не мог сказать, только открывал рот, словно рыба, выброшенная на берег. Наконец не выдержал и взорвался:

– Да вы все обкурились чего или колёс наглотались?! Мы – хрен пойми где, без еды и питья! А связь? Кто-нибудь из вас, блаженных идиотов, проверил свой телефон после того, как мы попали сюда? Мой, например, сдох.

– Дерьмо твой телефон, – неуверенно заметил Илья и по-

лез в карман. – Вот чёрт! Не работает.

Видимо, светящийся бублик как-то подействовал на тонкую электронику наших карманных друзей, напрочь отключив их. Ни один так и не заработал. Однако никого, кроме Витьки, это не обеспокоило. Галя вообще начала хихикать:

– Сестрице придётся нас поискать сегодня! Будет знать, как забывать про меня. В прошлый раз, со своим... Неважно.

Подошёл Паша и с совершенно опущенным видом протянул мне безвольно обвисший браслет. Казалось, из золотистой цепочки ушла та странная одушевлённость, позволившая ей проделать дыру в пространстве. Теперь она лишь бессильно покачивалась на толстом пальце с обгрызенным ногтем.

– Я же только руку поставил, – виновато пояснил Павел и зачем-то ткнул большим пальцем за спину, – а оно как жажнет! Я аж на жопу хлопнулся. Если бы не песок – точно бы отбил. Башку подымаю, а дыры-то и нету!

– А ну, дай, – я протянул руку, – попробую ещё раз.

Проклятая штуковина внезапно снова выкинула фортель, доказывая, насколько я был неправ, считая её обессиленной. Я вроде бы даже коснуться её не успел, а цепочка ужом скользнула по ладони вверх и плотно охватила запястье. Да так цепко, что казалась частью кожи. Попытавшись сорвать ногтем блестящую змейку, я ощутил резкую боль и поморщился.

– Встряхни рукой, – посоветовал Илья, пристально наблю-

давший за моими манипуляциями, – прошлый раз вроде бы так подействовало.

Да хрена лысого! Кости пытались вылететь из суставов, а браслет прочно сидел на своём месте и не двигался и на миллиметр. Такое ощущение, будто, исчерпав энергию, он начал подпитываться... От меня?! О чёрт! Только паразитов мне и не хватало. С удвоенной силой я начал снимать проклятое украшение. Только кожу исцарапал.

– Может, ему нужно время, для перезарядки? – похоже, у Натахи мысли двигались в том же направлении. – Ты уж потерпи, пока мы будем решать, как поступать дальше.

– Подождём, пока зарядится? – предложила беспечная Галья. – А пока позагораем. Хочу – голенькой, только чур, не подглядывать! А то я буду стесняться.

– Нам бы твои проблемы, – хихикнула Оля и положила подбородок на моё плечо, полностью игнорируя ревнивые взгляды Ильи. – А ты что думаешь, мой лев?

– Прогуляемся, – спокойно ответил я, оставив в покое браслет и переключаясь на медальон, – место здесь безлюдное, но если пройдем дальше, то, может, набредём на дорогу или посёлок.

Возражать никто не стал. Витька недовольно пыхтел, но ничего другого предложить не мог, поэтому просто злобно поминал каких-то идиотских дебилов. Паша, тот полностью подчинился Наташе, а она, как и все остальные, поддержала мою идею.

В общем-то я не ошибся.

Мы прошли через маленький лесок, усыпанный жухлыми листьями и поросший низкорослым густым кустарником с голубыми ягодами, облепившими шипастые ветки. Плоды выглядели весьма аппетитно, но рискнуть так никто и не решился, несмотря на подначивания Гальки, которой, видимо, очень хотелось попробовать сочные бусинки. А ещё нам встретился странный колючий зверёк с длинными ушами. Илья классифицировал создание, как ушастого ежа, но так и не смог вспомнить, где водится подобное чудо. Чудо долго сопело длинным носом, но стоило Ольге протянуть руку, шустро удрало под трухлявый пенёк.

Лес быстро закончился, и мы оказались на краю поля, поросшего высокой серо-зелёной травой, волновавшейся словно запаправдашнее море. Ветер, гнавший волны по этому безводному водоёму, налетел на нас, растрепав волосы и выжав слёзы из глаз.

Местность оказалась холмистой, и наш лесок, заняв место на одной возвышенности, перемигивался со своим соседом на похожей горке. А в ложбине между холмами петляла полоска дороги.

– Ведёт дорога в дальний путь, – торжественно продекларировал Илья и тяжело вздохнул: – было бы здорово, если бы ещё привела в нужное место. Поработаем ножками.

– Не все, правда, готовы к такому, – пискнула Галя, добавив в голос изрядную порцию яда. – Ах, вы, шпилечки мои!

Все дружно посмотрели на стройные ноги Ольги, обутые в столь неподходящую для предстоящего марш-броска обувь. Девушка тоже внимательно изучила туфельки, потом медленно сняла лодочки и решительно обломала оба тонких каблучка. Вручив обломки мне, она насмешливо заметила:

– Будешь должен мне пару. Или больше.

– Издержки производства, старик, – съязвил Илья, но в глубине его глаз плеснулось страдание. – Берёшь её – и горе – злосчастье в придачу. Инструкция по использованию поставляется внутри упаковки.

– Мели, Емеля, – откликнулась Оля, обувая изуродованные туфли. – Ну, и долго я вас буду ждать?

– Ого! – с ноткой изумления отозвалась Ната. – Как, двигаемся?

Почему-то Галя, Оля, Ната и Илюха ожидающе уставились на меня, словно ожидали команды, которую должен был отдать именно я. Интересно девки пляшут. С какого перепугу я стал возглавлять нашу группу? Впрочем, Паше всё пофиг, а вот у Вити даже брови дыбом поднялись.

– Пошли, – скомандовал я, рассеивая непонятную ситуацию, и первым двинулся в направлении тёмной полосы.

Мягкая трава, повинуясь порывам дерзкого ветра, пыталась хватать за ноги, путала щиколотки и щекотала ладони. Наташа тихо хихикала, когда пушистые стебли задевали её обнажённые ноги, а Илья, сорвав серебристую травинку, сосредоточенно нюхал. Ольга молча шагала рядом, время от

времени прикасаясь ладонью к моей руке. Вроде бы ничего особенного, но всё же какая-то магия присутствовала в этих касаниях.

Галя устремилась вперёд и, распевая какую-то дикую полуприличную песню, танцевала среди серо-зелёных волн. Я ощущал в себе похожую потребность и с некоторым трудом сдерживал странный порыв.

– Интересный запах, – сказал Илья, – даже мозги прочищает.

– А мне во, жрать охота, – пожаловался Паша и тоскливо потёр своё пузо. – Солнце вышло из-за ели, время срать, а мы не ели.

– Прорва ушастая, – прокомментировала Натаха и ущипнула парня за бок, – худеть давно пора, вон сколько сала нарастил. Придём в город, отведу тебя в кафешку.

– Когда это ещё будет! – заныл Павел и, понизив голос, проникновенно сказал: – А у тебя в сумочке шоколадка. Я знаю.

Ната тяжело вздохнула и, открыв замок, достала шоколадный батончик. Парень торжествующе выхватил вожделенное, и пробормотав нечто напоминающее: «Моё сокровище!», впился в конфету зубами. С такой жадностью! Мне даже стало немного неприятно. По лицу Наташи прошла смутная тень, словно она испытала нечто похожее.

– Какое свинство, – коротко шепнула Ольга, но, похоже, и сама удивилась собственной реакции.

– А я бы тоже перекусил, – сказал Витька с изрядной долей зависти и тяжело вздохнул: – со вчерашнего дня ни хрена не жрал. Да ещё и подняли ни свет, ни заря.

– Терпи, мой друг, – Илья похлопал его по плечу, – жрать, это вообще-то свинское дело.

– Дорога! – во всю глотку завопила Галя и начала прыгать, размахивая руками. – Дорога, дорога! Ур-ра!

– Ура, – согласился я и, раздвинув непокорные заросли, ступил на потрескавшиеся плиты. – Это ж надо в какую глухомань нас занесло. Асфальт до этой Тмутаракани так и не добрался.

– Хорошая дорога, – не согласился Илья, – толку с твоего асфальта, если он весь в колдобинах? А тут посмотри какая прелесть: ровнёхонько и гладенько! Хоть на «Феррари» катайся.

– Так давай прокатимся, – Галя обняла его за плечи. – Когда ты меня уже на «Феррари» покатаешь?

– После дождика, – Витя угрюмо стукнул каблуком по гладкой твёрдой поверхности. – Странная какая-то дорога. Это ж сколько нужно труда вбухать? Камень к камню – и ни единой щёлочки! Наши так не могут.

Здесь действительно присутствовала некая странность, но вот сути её я не понимал. Впрочем, сейчас не до того. Я посмотрел в одну сторону: каменная змея прятала хвост за дальний лесок; в другую – исчезала, поднявшись на вершину холма. Никаких знаков, указателей, стрелок или чего-то

похожего. Впрочем... Я присмотрелся: недалеко от верхушки пригорка в траве наблюдалось нечто прямоугольное. Возможно – указатель.

– Идём туда, – я указал пальцем.

– Это же вверх! – простонал Паша. – Ноги, мои ноги!

– Почему туда? – подозрительно осведомился Витя. – Какого ты раскомандовался? Может, я хочу в обратную сторону?

– Иди, – отрезал я. – Никто не командует, я просто указываю направление.

Парень вызывающе уставился на меня, и я спокойно принял вызов. Впрочем, игра в гляделки продолжалась недолго: мой товарищ заморгал, словно ему мошка в глаз попала, и отвернулся.

– Хрен с тобой, – буркнул он, – пусть будет так.

Больше спорить никто не пытался. Галя тотчас удрала вперёд, стоило мне сказать, куда мы идём; Ната молча пихнула своего парня в спину, а Оля, загадочно улыбаясь, погладила мою ладонь.

Илья, прищурившись, посмотрел сначала на Витю, потом – на меня, открыл рот и закрыл. Немая сцена, занавес. Улыбаемся и машем.

До холма пришлось идти немного дальше, чем я предполагал, но и шагать стало намного легче. Гладкая ровная поверхность шлифованного камня, кое-где проросшего чахлыми травинками, так и ложилась под ноги. Вот только жара

насела на нас изо всех сил. Немилосердно палило солнце, как бы стараясь показать, какой иногда бывает весна. Даже насекомые спрятались в дебрях травяных зарослей, издавая глухое ленивое жужжание, и лишь огромные бабочки совершенно фантастической окраски безмятежно порхали над синими островками цветов в окружении серебристого океана.

Разговор совершенно не клеился – то ли от зноя, то ли по какой другой причине. Паша несколько раз пытался пересказать недавно увиденный сериал, но тут же сбивался на последнее посещение ночного клуба и мгновенно огребал люлей от своей подруги, напоминавшей ему о какой-то Свете.

Прискакала Галя, с венком из голубых цветов в волосах, и возбуждённо сообщила про увиденный в траве череп огромного рогатого животного. Илья назвал погибшее животное трицератопсом, встретив вежливое недоумение общественности. Галчонок натянула свой венок на его голову, и пояснила, что это – от солнечных лучей, которые могут напечь затылок вплоть до всяких цератопсов.

Оля то ли действительно устала, то ли старательно делала вид, но мне пришлось придерживать девушку под острый локоток. Её кожа, невзирая на палящий жар светила, оказалась холодна, словно лёд. Я подумал, как было бы приятно прижаться к этому прохладному телу, и... И чёрт побери! Образ Маринки укориженно взглянул на меня из подсознания, и я послал его куда подальше. Ты, сказал я ему, далека и недоступна, а Оля – здесь, и прижаться к ней приятно,

как... Как поглаживать медальон, висящий на груди. Он был точно так же гладок и космически холоден.

Оказывается, всё это время я непроизвольно нащупывал пальцами гривастую фигурку на его круглой поверхности.

– Эй! – воскликнула Наташа и нетерпеливо освободилась из Пашиных объятий. Точнее, парень практически повис на ней. – Смотрите, там, в траве...

– Именно поэтому мы и двинули сюда, – проворчал я, ощущая себя непризнанным пророком. – Будь вы немного повнимательнее, уже давным-давно заметили бы эту штуковину.

– Глазастый ты наш, – ядовито пропыхтел Витя и остановился, переводя дух. С него градом лил пот. – Вы это чего такой темп задали? Я сейчас с копыт свалюсь!

– Нет, ну реально, – Пашка тоже выглядел выжатым, как лимон. – Пусик, ты бы ещё побежала!

Странно, а я и не заметил. Вроде и не особенно торопились. Натаха только раздражённо пожала плечами, а Илья недоумённо обернулся назад и вдруг нахмурился. Пританцевала Галька, успевшая соорудить ещё парочку новых венков и разведать обстановку.

– Там непонятно, – сообщила она и нахлобучила пахучее украшение на мою голову, – надпись очень старая и потёртая. Про лис, кажется.

– Осторожно, опасные лисы, – предположил Илья.

– Тебе к Пелевину. А, кхули! – хихикнул я. – Пойду, сам

посмотрю.

Трава на склоне не могла похвастаться такой же высотой, как на равнине, но здорово скользила под ногами. С трудом удерживая равновесие, я подошёл к лежащей пластине. Ею оказался старый деревянный знак, закреплённый на трухлявом бревне, обломанном у основания. На дряхлом дереве выцветшей краской были намалёваны покосившиеся буквы, напоминающие готическое письмо. Хм, несколько претенциозно для здешнего Крыжополя. Впрочем, с названием я погорячился. Галя оказалась права, и оно начиналось с «Лиси...». Дальше краска поплыла, и окончание оставалось угадывать.

– Лисичанск, – сообщил я, вернувшись, – а может – Лисицыно. Властям руки оторвать, Надпись сто лет никто не обновлял.

– Значит, всё-таки Россия, – на встревоженной физиономии Ильи я заметил явное облегчение. – Честно говоря, дружище, ты меня очень обрадовал. Была у меня нездоровая мыслишка, насчёт параллельной реальности.

– Читай поменьше всякой зауми, – недобро поддёрнула его Ольга, – Толкинов всяких, Перумовых.

– Ну, кое-кого даже ты запомнила.

– Куда деваться, когда ты только о них и говоришь!

– Хорош, завязывайте! – я повысил голос, прерывая их дружескую беседу. – Россия, или Белоруссия, неважно. Главное – добраться до этого самого Лисичанска. Свяжемся с

кем-нибудь, наплетём всякой фигни, лишь бы помогли.

– Сеструха натурально офигеет! – Галя расхохоталась и ускакала к вершине.

– Да уж, кто-то точно офигеет, – подтвердил Витёк и сплюнул. – Это надо же было угодить в такую жопу! Сходили на днюху, называется. Теперь вообще неизвестно, когда домой попадём. Хрень твоя так и не работает?

– Никак нет, – сообщил я и потряс рукой, – словно прилипла, гадость.

– А жрать-то как охота, – вновь завёл старое Паша и внимательно изучил наручные часы, потом поднёс их к уху, – зараза! И когда это они успели остановиться?

– Как только мы сюда попали, – пояснила Оля и цокнула ногтем о стекло своих часиков. – Я сразу обратила внимание. Похоже, всё, что сложнее булавки, перестало работать.

– Твой браслетик не любит мудрёных девайсов? – задумчиво пробормотал Илья. – Телефоны, часы... Избавляется от конкуренции? Однако сколько же времени прошло? Я совсем потерялся...

– Судя по пустоте в желудке – порядочно, – буркнул Витёк, и Паша жалобно кивнул круглой головой.

Мне есть не хотелось совершенно. Кроме того, я ощущал то же, что и Илья: время будто струилось сквозь пальцы. Казалось, минуту назад мы проходили через светящийся бублик, а светило уже успело достичь зенита и начало медленный спуск.

Чей-то крик донёлся до наших ушей, отвлекая от странно-ватых вопросов. Галя, стоявшая на вершине холма, высоко подпрыгивала и размахивала руками, словно пыталась превратиться в ветряную мельницу. Получалось похоже.

Но я, честно говоря, слегка испугался: мало ли какая фигура может приключиться с бестолковой девицей в незнакомом месте. А вдруг её змея укусила? А тут ни связи с городом, ни даже завалящей зелёнки. В несколько прыжков я добрался до скачущей девчонки и схватил за плечи.

– Что?! – почти выкрикнул я, и её глаза полезли на лоб.

– Взбесился? – осведомилась она и сверкнула глазищами, совершенно как дикая кошка. Однако из моей хватки освобождаться совсем не торопилась. Да и мне оказалось так приятно сжимать в ладонях её худенькие плечики. Хотелось... Что за чёрт! Почти испуганно я разжал пальцы и развёл руки. Продолжая сверкать глазами, Галя начала тихо хихикать.

– Недостаточно взбесился, – укоризненно пробормотала она, и повернулась, указывая пальцем вниз. – Смотри!

Но я некоторое время мог смотреть только на неё, словно увидел в первый раз: высокие скулы на смуглом лице внезапно показались необыкновенно привлекательными. Ничего не понимаю: я же никогда ничего не испытывал к этой милой чертовке. Что, чёрт побери, происходит? Что со мной происходит? Что вообще происходит со всеми нами? Через непонятную дыру занесло к чёрту на кулички, и теперь неиз-

вестно когда вернёмся домой, а голова занята чем-то эфемерным. Всё это время мне казалось, будто через моё тело бьют мощные лучи света, и сам я вот-вот превращусь в один из этих лучей. Прикосновение к львиной морде вывело меня из непонятного транса.

– Похоже на кладбище, – сказал я, – очень большое и очень старое. Странно, обычно подобное местечко находится недалеко от города.

Города не было. А вот дорога раздваивалась. Один путь следовал вдоль погоста, а второй спускался с холма и начинал петлять среди тусклых надгробий. Место упокоения усопших простиралось до следующего холма, занимая территорию, где мог запросто разместиться небольшой городишко. Воистину – Некрополис.

– Это и есть твой Лисичанск? – осведомился Паша, громко хекая после подъёма. – Вряд ли нам здесь помогут.

– Всему своё время, – философски заметила Ната, на которую крутой подъём никак не повлиял. – Когда-нибудь здесь помогут всем и каждому. Правда, чем позже – тем лучше.

Видимо, пока я спешил наверх и любовался Галей, Ольга с Ильёй опять повздорили. Выбравшись наверх, они сохраняли гордое молчание, демонстративно не глядя друг на друга. Хотелось отшлёпать обоих и поставить в угол. Последним, пытаясь словно дряхлый паровоз, появился Витька. Он тяжело сглотнул и ткнул в меня пальцем. Первые его слова, преры-

ваемые вздохами, я так и не разобрал.

– Как ты это сделал?! – это оказалось первой членораздельной фразой, которую парень смог выдать из себя. – Это же метров двадцать-тридцать!

– Это он о чём? – за разъяснением я повернулся к враждующей парочке. Остальные, проигнорировав боковое ответвление, уже начали спуск вниз.

– Скачешь, словно молодой олень, – угрюмо пояснил Илья. – Не замечал у тебя раньше склонности к лёгкой атлетике. Два десятка метров за четыре или пять прыжков. Как в кино, честное слово. Выделываешься?

– Не олень – лев, – замурлыкала Оля и погладила моё плечо узкой ладошкой. – А вот спешил бы этот лев, если бы это я кричала, изображая вентилятор? Или ты решил окучить сестричку?

В её голосе мелькнула странная интонация. Ревность? Угроза? Только этого мне ещё не хватало.

– Просто испугался, – честно признался я. Ну, почти честно, – поэтому так и скакал. Может, тут змеюки какие водятся, или пауки.

– Спасибо, порадовал, – Оля нахмурилась, глядя под ноги, а на лице Ильи появилась злорадная ухмылка. – Терпеть не могу эту гадость! Проклятые насекомые.

– Пауки – не насекомые, – с апломбом заявил Илья, – это – паукообразные.

– Да хоть рептилии! Лишь бы их было поменьше.

– Там – дым, – внезапно вмешался пришедший в себя Витёк и ткнул пальцем в узкую тёмную полосу, поднимающуюся к небу с окраины кладбища. – Пожар?

– Нет, похоже, там какое-то строение, и дым валит из трубы, – возразил Илья, и Ольга непроизвольно кивнула, соглашаясь, – значит, нам туда и нужно. Думаю, там живёт смотритель, ну или кто тут следит за порядком.

– Неважно, – я махнул рукой, – главное, у него должен быть телефон. Ну, или по крайней мере хоть объяснит, куда нас занесло.

– Идти среди могил, бр-р! – девушку передёрнуло, и я положил руку на её плечо, заработав луч ненависти от Илюхи. – Ну что за прогулка: то – пауки, то – мертвяки.

– Романтика! – не удержался Илья и хохотнул. – Вот тебе и приключение, о котором ты так мечтала. Наслаждайся.

– И буду! – злорадно улыбнувшись, она прижалась ко мне, обняв за талию. – Ты тоже получай удовольствие. Романтика, а?

Это никогда не закончится.

Мы начали спуск. Потрескавшиеся плиты сменились чем-то, напоминающим булыжную мостовую, состоящую из блестящих на солнце округлых камней. Точно чьи-то лысые коричневые черепа, торчащие из серой почвы. Подошвы здорово скользили по этим лысынам, вынуждая всех громко ругаться в попытке удержать равновесие. Похоже, не очень-то много людей посещало погост по этой дороге. Да и то: ни

единого встреченного человека за полдня. Глухомань в кубе. Мелькнула мысль вернуться, избрав другое направление, но подниматься было лень. Может, потом?

Галька веселилась. Она вслух читала имена и фамилии на потёртых глыбах надгробий и потешалась над их звучанием. Сочетание Юдифь Недолина доводило её до экстаза. Наташа смущённо одёргивала девчонку, пытаясь остановить неуместное хохмачество. У Паши при этом вид был совершенно обалдевший. Он изумлённо разглядывал эпитафию, после чего слушал очередную Галину шутку и начинал остервенело тереть глаза. Странная пантомима. Однако в чём-то наш чертёнок был прав: большинство имён и фамилий выглядели странновато. И ладно бы на древних, поросших мхом и погрузившихся в землю плитах, но читать на сравнительно новых камнях нечто вроде Земень Хладоструй или Врань Закобылный! И смех, и грех. И ещё почему-то не было видно ни единого креста. Странное кладбище.

– Почему здесь никого нет? – отрешённо спросил Илья, вращая головой. – Ни единого человека... Машин тоже не видать. Как повымерли все.

– Ты хоть сам понял, что ляпнул? – хихикнул я и повёл рукой вокруг. – Ты не поверишь, но они здесь действительно все повымерли. И откуда тебе знать: может, вон за теми деревьями всю кого-то поминают. Кладбище-то здоровое, большей части отсюда не увидишь.

– Может, пойдём? – угрюмо осведомился Витя, ковыряя

носском кроссовки рыхлую землю около дорожки. По сторонам он пытался не смотреть. – Не люблю я такие места. Фигово мне здесь, как на груди́ну давит.

Натаха сумела-таки урезонить Гальку, и теперь строго выговаривала ей около огромного колючего куста, почти скрывшего каменную коленопреклонённую фигуру. Галчонок из всех сил изображала раскаяние, дёргая шипастую ветку, поросшую белым цветом. Раскаяние выходило весьма неубедительное. Пашка стоял рядом и сосредоточенно водил пальцем по надписи на ближайшей каменной плите, периодически встряхивая головой. На пухлой физиономии было такое выражение, словно парня замучила зубная боль.

Оля, стоявшая за спиной, щекотала моё ухо длинной травинкой. Второй конец щекоталки, как я понимал, находился в её зубах. Илья глядел на нас, но словно не видел. Лицо его, казалось, осунулось, а глаза странно выцвели. Похоже, товарища терзала некая мысль, не имеющая никакого отношения к Ольгиной забаве.

– Пошли, – сказал я, и, к моему удивлению, все тотчас сорвались с места, будто всё это время ожидали исключительно моей команды.

– Что-то тут не так, – бормотал Илья и пинал камешки, оказавшиеся на булыжниках тропинки, – всё-таки это кладбище какое-то неправильное. Фотографий, опять же, нет.

– Да оно, может, и не такое уж новое, – заметила Наташа, прекращая пощипывать Пашины бока, – мало ли почему мо-

гилки выглядят такими свеженькими, может им уже по сотне лет. А то и больше.

– И дат нигде не видно! – осенило Илью, – смотри, везде только возраст: умер тридцатилетним, ушёл из жизни на пятидесятом.

– И надписи все какие-то неразборчивые, мать бы их так! – буркнул Паша и хлопнул по ладони Нату, вернувшуюся к прежнему развлечению. – Ни хрена не разобрать. Старое тут всё, как пить дать.

– Илья, ну какого чёрта ты хочешь от меня услышать? – я страдальчески поднял руки над головой. – Что мы попали в другой мир? Хорошо, попали. Доволен? Блин, да хрен его знает, какие порядки в этом самом долбаном Лисичанске? Ну и, в натуре, не факт, что здесь кого-то хоронили последние полтора года. Можно подумать, это – самый важный вопрос, который нас должен волновать. Давай ещё про политику поговорим! Надо думать, как выбираться.

– И чего бы пожрать, – эхом откликнулся Павел, – и попить. Пивка бы сейчас, холодненького...

– Воды хотя бы, – поддакнул Витя, – а перекусить и я бы не отказался.

Поскольку никто не торопился поддержать парочку голодающих, разговор на эту тему очень быстро заглох. Тем не менее я ощутил давешнее чувство опустошённости, только на этот раз гораздо сильнее. Это не было голодом или жаждой в привычном понимании. Скорее и то, и другое плюс

некие сексуальные вожделения, помноженные на страх очутиться в непроглядном мраке. Пока я пытался сообразить, чего же мне конкретно хочется, ощущение пропало, как и не бывало.

За это время мы успели забраться в область кладбища, заросшую склепами и гигантскими погребальными комплексами. Целые здания, пригодные для проживания, угрюмо возвышались за оградами, и лишь отсутствие окон намекало на предназначение построек. Тёмные фигуры с крыльями следили за каждым нашим шагом слепыми мёртвыми глазами, и, честно говоря, в этот момент я был готов согласиться с Ильёй. Ощущение некоей параллельной реальности становилось невыносимым. В определённом смысле так оно и было: мы угодили в чужой мир – вселенную мёртвых, терпеливо ожидающих пополнения.

Витёк совсем загрузил и старательно разглядывал камни под ногами, игнорируя окружающее. Натаха и Ольга, наоборот, оживились, скооперировались, и теперь дружно восхищались архитектурой некрополиса, вворачивая в свою беседу абсолютно произносимые и трудно запоминаемые термины. Паша только изумлённо вертел головой, силясь понять, о чём же таком только что рассказывала его подруга.

– Похоже, ты был прав, – сказал Илья, подбрасывая на ладони свой медальон, – погост этот, как пить дать, старый. У нас я такие фиговины видел только на старом кладбище. Ну – том, которое уже лет двадцать как закрыто.

– Очень интересная тема. Вот только я совсем не поклонник этих вещей, как некоторые, – я мотнул головой в сторону увлечённых девчонок, – да и на гота вроде не похож. Придумай другую тему для обсуждения, пока меня мурашки не затоптали.

Илья помолчал, потом сунул руки в карманы и негромко, но твёрдо спросил:

– Что у тебя с Ольгой?

– О-хо-хо, умеешь ты выбирать приятные вещи для разговора. Ничего у меня с Ольгой. Это у неё – со мной, а у меня что-то с Мариной. А вот уже у Марины – ничего со мной. Ясно?

Илья не удержался и хихикнул:

– Силён ты чётко излагать свои мысли. Ну, точно как задницу почесать правой рукой через левое плечо, – он посерьёзнел. – Может, всё-таки отойдёшь в сторону и позволишь нам самим разобраться? Я думаю, у нас должно получиться.

Я попытался спокойно обдумать его слова. Конечно, разумное зерно в них присутствовало, и где-то он был прав. Но какое право имеет кто-то указывать мне, что я должен делать? Почему я вообще должен кого-то слушать? Ведь это – неправильно! Пытаясь удержать разгорающийся внутри огонь, я вцепился в медальон и процедил сквозь зубы:

– Поверь, я не нуждаюсь в посторонних советах. Не сумел сам – дай дорогу другим.

Слабый голос внутри пискнул: дескать, ещё минуту назад

я собирался сказать совсем другое, но ревущее пламя ярости тотчас пожрало ничтожный писк.

Илья недовольно покосился на меня, и вдруг в одно мгновение его физиономия обратилась маской бешеного животного, одержимого жадой крови. Вцепившись в медальон, он прохрипел:

– А я тебе и не советую! Или ты убираешься к чёртовой матери, или я сам тебя уберу! Понял?!

И я ему врезал.

Ударил так, словно собирался убить. Удар оказался неожиданно сильным не только для Илюхи, отлетевшего на несколько метров, но и для меня самого. Взглянув на поверженного товарища, который неуклюже барахтался в облаке пыли, я ошеломлённо уставился на сжатый кулак, силясь понять, как же такое могло произойти. Потом повернулся и встретил взгляды спутников. Разные они были.

Паша выглядел испуганным, Витька – изумлённым, а девочки... Девочки с интересом следили за происходящим. У Гали на загорелой физиономии вовсю светилось ожидание.

– Я! Тебя! Убью!

Илья уже успел встать на четвереньки и, сплёвывая кровью, исподлобья сверкал жёлтыми (жёлтыми?!) глазами. Стоило ему выплюнуть последнее слово, давешняя ярость вновь накрыла меня неудержимой волной. Несколько мгновений я вообще ничего не видел и не соображал, что делаю.

Когда багровый туман несколько рассеялся, я обнаружил

себя лупящим Ильёю головой о ближайшее надгробие. Камень трещал и разлетался мелкими осколками, а товарищ яростно шипел, пытаясь сомкнуть пальцы на моём горле.

Кто-то вцепился в спину и попытался оттащить назад. Даже не поворачиваясь, я дёрнул плечом, и неизвестный перестал донимать меня всякими глупостями. Илья последний раз царапнул ногтями по коже шеи и обмяк. Глаза его помутнели, а на губах начали лопаться алые пузырьки.

– Всё! – прохрипел он. – Больше не надо... Я больше не буду. Пусти...

Я встряхнул его, словно какую-то куклу, и отшвырнул в сторону от треснувшей плиты.

– Не смей мне указывать! – рявкнул я и поднялся на ноги. – В следующий раз – убью!

Слова, вылетающие изо рта, казались какими-то чужими, словно кто-то, сидящий внутри, выкрикивал эти угрозы, используя меня как рупор. Странное ощущение, надо сказать. Казалось – должно быть неприятно, но мне почему-то понравилось.

Мягкие ароматные губы коснулись моего уха, и я медленно обернулся, встретившись взглядом с ухмыляющейся Ольгой. Рядом замерла Галя, и в её глазах... Восхищение? Вожделение?

– Мой лев, – прошептала Оля, – здорово ты его поставил на место.

– Как это было возбуждающе! – почти простонала Галя. –

Никогда раньше не замечала, насколько это может быть красиво.

Мимо прошествовала Наталья, мимоходом мазнув взглядом, полным интереса. Склонившись над Ильёй, девушка помогла принять ему сидячее положение, и начала негромко, но строго выговаривать. Понутив голову, товарищ послушно кивал, вытирая окровавленную губу тыльной стороной ладони. При этом вид у него был крайне виноватый.

Я оглянулся на странный шум и обнаружил Пашу, пытающегося привести в чувство Витю, напоминающего боксёра после нокаута. Похоже, именно он пытался оттащить меня от Ильи. Мой тычок отбросил его метров на пять назад и, судя по пыльной одежде, нехило прокатил по земле. С горем пополам его привели в чувство, и Витя, пошатываясь, поднялся на ноги. Измятая физиономия отражала откровенное изумление и ничего больше. У Паши к удивлению примешивался искренний ужас. Чёрт, похоже, пугалом являлся ваш покорный слуга. Очаровательно!

Пришло время понять, какая херь происходит. За каким-то дьяволом я едва не прикончил своего лучшего друга. Причём из-за девушки, совсем мне не нужной (не нужной? – хихикнул голос внутри меня). Но самое жуткое: я ощущал себя полностью правым. То есть умом я ещё понимал всю глупость и несправедливость собственных поступков, но чувства противоречили этому, подтверждая полное право вышибить дух из любого, кто осмелится мне возразить.

Чертовщина, одним словом.

Подошёл Илья, за спиной которого тенью маячила Наталья и, потирая затылок, негромко проворчал:

– Ты, это, извини, – он протянул руку, – похоже, я слегка погорячился. Ляпнул, не подумавши. Мир?

– С кем не бывает, – я пожал протянутую ладонь и улыбнулся. – Сам, бывает, как завернёшь, аж стыдно становится.

Случайно я поймал взгляд Вити, который собирался что-то сказать, да так и замер с открытым ртом. Глаза у него были огромные, точно плоски.

В целях профилактики грядущих недоразумений Наталья ухватила Илью в охапку и, взяв под руку, повела вперёд. Оля и Галя повторили аналогичный фокус, но со мной. Теперь я получил возможность наслаждаться своего рода стерео. С одной стороны динамик вещал о том, как это здорово, когда парни лупят друг друга о землю, да и вообще пытаются выбить дух из противника. С другой стороны передачи были определённо спокойнее, и с явным эротическим оттенком.

Сзади медленно плелись Паша и Витя, горячо обсуждая произошедшее. Они старались говорить вполголоса, сдерживая чувства. Но даже сквозь свою увлекательную программу я слышал каждое слово. Паша тихо сетовал на поведение всех нас, точно слетевших с катушек, и даже Ната, с его слов, вела себя как неродная. Витёк оказался более категоричен и резок.

– Слушай, это же охренеть можно! – бормотал он сквозь

плотно сжатые зубы. — Этот его лупит башкой о камень, никто из девчонок даже не пытается помешать, а Галька так та вообще в полном экстазе. А ты, кстати, чего мне не помогал?

— Прости, на меня как ступор нашёл. Думал, он его сейчас прикончит. Куски камня так в стороны и летели!

— Вот-вот. Камень треснул, а Илюхиной башке — хоть бы что! А этот, — похоже, Витя здорово на меня разозлился, если по имени перестал величать, — совсем обезумел. Да и силищи в нём откуда и взялось, мать бы его так! Меня как лошадь копытом лягнула!

— Да, летел ты будь здоров!

— Так смотри, а хрень-то продолжается. Илюху отлупцевали, а он ещё и прощения просит! И девчонки, смотри, считают всё это правильным.

— Так может, Илья гадость какую сказал? Ты сам слышал, как он объяснял: ляпнул, дескать, не подумавши. Да и чего особо заводить? Драка закончилась, все помирились.

— Да я понять хочу, что происходит! — почти прокричал Витька и, судя по отдаляющемуся голосу, остановился. — С ними всеми какое-то дерьмо произошло после прибытия сюда. Может, место подействовало, а может — эти чёртовы медальоны. Ты же сам посмотри: они их постоянно ощупывают!

Эх, похоже, у Вити совсем крышу снесло. Плетёт всякую фигню. Это надо же: медальоны на нас действуют! Ухмыльнувшись, я провёл пальцем по физиономии льва и насторо-

жился: Ната и её спутник остановились у огромного чёрного монолита, напряжённо заглядывая за тёмную шершавую колонну.

– Место назначения, – спокойно пояснила девушка в ответ на мой вопросительный взгляд и указала пальцем, – но это больше похоже на обычный дом, чем на сторожку смотрителя.

Так оно и было. Мы собрались вместе, рассматривая большой приземистый дом с соломенной (именно так!) крышей и узкими оконцами в ослепительно белых стенах. Домик прятался за плетёной из веток оградой, и вообще выглядел как типичная иллюстрация к произведениям Гоголя или Шевченко. Стало быть, нас занесло не так уж далеко от родных пенат. И это хорошо.

– Все пойдём? – поинтересовался Илья и почему-то покопился в мою сторону.

– Дом на отшибе, – медленно сказала Наташа, – и других рядом не видать. Стало быть, радостный хозяин, увидев нашу ораву, может от переизбытка чувств и из ружья угостить.

– Правильно, – согласился я, – пойду один. Подождите здесь. Дело-то простое: узнаю дорогу и попрошу телефон позвонить. Может, получится вызвать такси.

– Я – с тобой, – внезапно вызвалась Галка и клещом вцепилась в мою руку, – не спорь. Парень с девушкой выглядит безопаснее, чем в одиночку.

– Хорошо, – я не стал возражать, – пошли.

Краем глаза я заметил, как Паша наклонился к уху Витька и начал оживлённо размахивать руками, видимо, живописуя рассказ. Опять какие-то секреты. Ладно, это сейчас не главное. Получив ироничный поцелуй от Ольги, напряжённый взгляд от Ильи и ободряющий кивок от Наты, я направился к домику, буксируя маленький, но очень цепкий прицеп.

Приближаясь к воротам, я отметил несколько вещей: двор казался большим, но весьма запущенным, словно хозяину было некогда (или неохота) заниматься хозяйством; гараж не наблюдался, и это на корню убивало надежду на скорую доставку в город; на соломенной крыше присутствовала труба – и только, никаких признаков антенн. Впрочем, мобильную связь никто не отменял. Около ограды чернели две огромные, небрежно сколоченные будки, похоже, для собак. Самих четвероногих стражей я не наблюдал и, хм, меня это почему-то совсем не беспокоило.

Неожиданно чертёнок, висевший на моей правой руке, сорвался с насеста и, отворив скрипнувшую калитку, влетел во двор. Я и рта не успел открыть, а девушка уже стояла около дома и барабанила в ставни окна.

– Хозяин! – кричала она. – Выходи!

Кто-то глухо заворчал в одной из будок, и я тотчас ворвался во двор. Собачье жильё содрогнулось, словно кто-то большой и тяжёлый ударился о заднюю стену своего домика. Рычание мгновенно прекратилось. Галька обернулась, подмигнула мне и продолжила мелкое хулиганство.

Внезапно, покосившаяся, сбитая из неровных нешлифованных досок дверь распахнулась, выпустив на порог низкорослого плешивого мужчину с окладистой бородой. Неопрятная спутанная растительность неуклюже прикрывала огурцеподобный живот. Одет хозяин был в какую-то коричневую хламиду, напоминающую старый халат, подвязанный жёлтой верёвкой чуть ниже талии. Ну, или того места, где она должна находиться.

Галька легко отпрыгнула назад, не выказывая ни малейшего признака испуга. А ведь мужик корчил злобно-угрожающую гримасу и прятал за спиной какую-то палку. Я сделал несколько шагов вперёд и прикрыл девушку плечом. Страх не было. Совсем. Этот нереально водевильный бородач казался смешным, и не более.

– Чонада, – прожевал и выплюнул мужичок, – ктотаки.

Странно он как-то произносил слова. Вроде бы и понятно, но голос звучал приглушённо, будто из-за плотного покрывала, причём половина слов терялась в грязной бороде, а остатки сливались в одно сплошное – неразборчивое. Впрочем, разобрать смысл можно и так.

– Чонада, – повторил хозяин и покосился на собачью будку, не торопясь отходить от двери. На его морщинистом лице отразилось недоумение, пополам со странной обидой, – чомолчишь.

– Добрый день, – вежливо сказал я, – нам надо бы как-то связаться с городом. Лисичанск, если не ошибаюсь?

– Лисьчанск, – подтвердил бородач и сделал шаг вперёд, продолжая коситься в сторону будок. – Связачо?

– Телефон у вас есть? – поинтересовался я. – Мы бы такси вызвали.

В руке у хозяина оказалась не палка – топор. И теперь он прижимал его к груди, недоумённо разглядывая нас, с Галей.

– Нету, – выпалил он наконец, – связьнет, ничонет. Вон-пшёл.

М-да. Не очень гостеприимно. Сплошной облом. Да и подумать: на что мы надеялись? Какое-то заброшенное кладбище на отшибе от местного Мухосранска, и одинокий дом. Человек, поселившийся в подобной глуши, вряд ли станет искать общества других. Были у меня такие знакомые, с радостью уезжавшие за город на дачу, пропадая там месяцами. Люди преимущественно немолодые, так и этому кадру меньше полтинника не выпишешь.

– Спроси, далеко до этого самого Лисичанска? – прошипела за спиной Галя, яростно щипая меня за бока. – Говор у него – оборжаться!

– До Лисичанска-то далеко? – устало поинтересовался я, уже и не надеясь на обнадёживающий ответ. И – да, предчувствия не обманули.

– Дозавтраобедук, – прочвакал бородатый лесоруб и любовно погладил топорище, – идитеидите.

– Клёво! – хрюкнула Галя. – А ночевать-то где? В поле? Офигеть можно! Да уж, совсем не так весело, как мне каза-

лось.

– А у вас можно остановиться? – спросил я, пытаюсь вспомнить, сколько бумажек завалилось в моём кошельке. – Мы заплатим, вы не думайте.

– Вдова Слезень подорожетам, – выплюнул хозяин, переминаясь с ноги на ногу. – Местанет!

Послышалось тихое «цок, цок», и мужичок умолк, поворачивая голову. Из-за угла выбрело натуральное чудовище. Вероятно, именно таких монстров продавал Гашековский Швейк: собака оказалась настолько же уродлива, насколько и велика. Поджарое коричневое тело, покрытое разноцветными пятнами, с одной стороны заканчивалось длинным голым хвостом, ползущим в пыли, а с другой – натуральной головой крокодила, лишённой всяких признаков шеи. Уши частично потерялись: видимо, их кто-то пытался сжевать, но передумал на полдороге. В общем, увидев такое, мог запросто уписаться и питбуль.

На физиономии гостеприимного хозяина появилось довольное выражение, и он стукнул обухом топора о ладонь. Похоже, долгожданное подкрепление прибыло. Только вот чего он испугался? Парня с девушкой? Бред.

И тут произошло нечто непонятное: собака открыла было пасть, собираясь гавкнуть, закрыла её и начала быстро пятиться назад, забросив крысиный хвост под пузо. Тихое цоканье сменилось скрежетом когтей, и за углом послышался удаляющийся лай, напоминающий далёкие раскаты грома.

Стукнуло. Топор, упавший на крыльцо перед закрытой дверью. Изнутри бешено лязгнул задвигаемый засов, и знакомый голос визгливо прокричал:

– Убирайтесь вон! Стрельнубу! Отсюда вон стрельнубу!

– Что это было? – по лицу Галчонка плыла растерянная улыбка. – Он чего, совсем крышу потерял?

– Не знаю, – задумчиво сказал я и потянул за собой. – Однако угрожает стрелять. Вообще-то не верится, будто, имея ружьё, он бы выперся к нам с топором, но проверять не будем. Идём.

Покидали двор мы несколько быстрее, и я постоянно ощущал давление чужого и недружелюбного взгляда на своей незащитной спине. Наверное, моя спутница ощущала нечто похожее, иначе зачем всё время оглядывалась, сводя брови к переносице.

Сидящая в будке животина прибрехнула было, но тут же заткнулась, громохая чем-то металлическим. Её товарка продолжала разрываться от лая где-то за домом, причём явно не просто так. Возможно, из-за этого пятнистое чудовище и не стало размениваться на нас, посчитав ниже своего достоинства. Да и вообще, близость такого количества покойников способна свести с ума не только человека, но и его подопечных. Недаром рассказывают о сходстве собак и их хозяев. Посему, тут присутствовали целых три психопата: один – двуногий и два – четвероногих.

– Дураки какие-то, – озвучила Галя мои мысли, – только

огорчили. Это ж сколько ещё ноги бить?

– Это ерунда, – махнул я рукой, – надо думать, где будем ночевать.

– Только не здесь! – ужаснулась девушка. – Хоть в чистом поле, только не на кладбище.

От группы, которая осталась нас ждать, почему-то откололся и пропал значительный кусок. Кто остался? Наташа с Ильёй оживлённо спорили, тыкая пальцами в косо стоящую плиту, верхушку которой оседлал чёрный ангел с отбитым носом. Ольга сидела на некоем подобии каменной лавки, медленно вставлявшей в рыхлый грунт и, казалось, дремала, откинувшись на спинку. Кого нет? Ну, естественно! Паши с Витей нигде не видно. Не знаю, почему, но мне вдруг вспомнился лай за домом. Возможно, здесь имелась определённая связь.

– И где эти два кадра? – спросил я. – Украла пришельцы? Или пошли по-большому?

Ольга хихикнула, не открывая глаз, а Наташа только плечами пожала.

– Пашка сказал, типа нашёл какую-то шнягу, – пояснил Илья, – звал и меня, но я не захотел оставлять девочек одних в таком месте. Как там у вас дела?

– Хреново, – буркнул я и вкратце передал все обстоятельства нашего общения с аборигеном. Понятное дело, никто не обрадовался, но, к моей радости, и духом никто не пал. Позитивный настрой – половина дела. Жаль, в сердечных де-

лах этот принцип не действует. Воспоминание о том, сколько раз моё хорошее настроение билось о неприступный камень Маришкиного равнодушия, кольнуло сердце. Правда, не так, как раньше. Словно у иглы сломался кончик. Я выздоравливаю? Давно пора.

Внезапный топот за спиной прервал мои терапевтические рассуждения и возвестил о воссоединении с пропавшими членами нашей группы. Наташка громко прыснула, а Илюхины брови устремились к заоблачным вершинам. Стоит посмотреть.

Действительно, стоило. Пропавшая парочка выглядела, по меньшей мере, забавно. Похоже, обоих неслабо выкачали в пыли, тщательно разорвали штаны и отпустили похвастаться. Кроме того, Паша старательно и умело косплеил Деда Мороза, вцепившись обеими руками в полупустой мешок ярко-красного цвета. На лицах обоих оборванцев расцвели широкие улыбки.

– Жрчка! – выдохнул Павел и потряс своей добычей. – Много!

– Совершенно отбился от рук и одичал, – хихикнула его подруга, – способен изъясняться лишь короткими простейшими словами. Вероятно, очень скоро сможет только рычать и производить несложные движения верхними конечностями. Горе моё, где тебя носило?

Объект её интереса опустил мешок на землю и деловито полез внутрь, игнорируя все попытки как-то связаться с ним.

Витёк оказался более разговорчивым. Если бы во время своего рассказа он ещё и не жевал...

– Пашка усёк сарай, за домом, – пояснил он, отвратительно причмокивая, – сказал, там двери открыты, и рыбасик сушится.

– Угу, – деловито подтвердил его подельник, не покидая мешка.

– Ну, мы и подумали: пока ты с Галчонком отвлекаешь хозяина, посмотрим, чем там можно поживиться. А там – настоящее раздолье: и рыба, и мясо вяленое, и фрукты. Если бы не долбаная собака! Здоровая, как Годзилла!

– Видел, – коротко ответил я, разглядывая продукты, появляющиеся из мешка. Есть не хотелось. Абсолютно. – Ворё.

– Да ладно! Ты нам ещё спасибо скажешь.

– Надо сваливать, пока щедрый хозяин не спустил на нас своих Годзилл, – озабоченно заметил Илья и покачал головой. – Ну и видок у вас! Добытки хреновы.

Совет казался разумным. Посему все продукты водрузили на место и, ускоряя шаг, двинулись прочь. Да и место не слишком подходило для трапезы. Чай, не упыри какие, трапезничать среди могилок.

Максимальную скорость мы набрали, минуя злополучный домик. Вслед нам, в два голоса, выстрелили хозяйские волкодавы: один – не покидая будки, а второй – из-за угла дома. Да, пацанам явно повезло сохранить свои филейные части

в относительной неприкосновенности. Для таких монстров работы – на один укус.

Некоторое время мы мелкой трусой неслись вдоль поваленного заборчика, за которым обрастал сизой паутиной полузаброшенный сад. Могилок с другой стороны дорожки становилось всё меньше, пока они не исчезли вовсе. Похоже, мы наконец-то покинули гостеприимное кладбище и его тихих обитателей.

– Сбавим темп, – выдохнул Паша и шлёпнулся на замшелый булыжник, угрюмо промолчавший в ответ на такое хамство, – надо перекурить.

– Заткнись, – оборвал его Витёк, – ни единой долбаной сигареты! Уши, как у слона.

На физиономии Илюхи, который тоже баловался куревом, появилось озадаченное выражение.

– Вот и хорошо, – сказала Наташка и потрепала Пашу по голове, – не было бы счастья... Так, может, и совсем брошишь.

– Ага, может, ещё и пить бросить?

– Ка-акой подвиг! Смотри, не надорвись.

Витя начал вынимать из мешка экспроприированные продукты и предлагать желающим заморить червячка. Желающих оказалось немного: он да Паша. Ольга только презрительно поморщилась, упомянув фигуру (Илья закатил глаза). Наташка погладила Павла по голове:

– Кушай, кушай, маленький, – ласково прошептала она, –

а то ещё похудеешь. Штанишки новые покупать придётся. Куда это годится?

Галя взяла абрикос, повертела в руках, понюхала и отдала мне. Я, несколько озадаченно, поднёс его ко рту, попытался откусить и задумался.

– Абрикос, – медленно сказал я, – в мае?

– Из Турции, наверное, – предположил Илья, – чего удивляешься? Прямо как моя мамка. Та вечно в шоке, когда покупает виноград зимой.

– Ну, да, – я подбросил абрикос на ладони и протянул Илье, – ты ж знаешь, я турецкое не очень. Будешь?

– Змей, предлагающий абрикос Адаму, – прокомментировала Наташа, – новая интерпретация. Скорее бы нас уже вышибли из этого Парадиза.

Впрочем, грехопадение не состоялось: Илья вернул фрукт Витьке, и тот его немедленно прикончил, сопроводив чавканье укоризненной тирадой в адрес снобов, которые останутся голодными. То ли от жары, то ли от подкрадывающейся усталости, но я вдруг ощутил тошноту и отошёл в сторону, повернувшись спиной к жующим ребятам. Полегчало. Заодно оценил грядущий путь.

Дорога, бегущая к далёкому Лисичанску, перестала скакать по холмам и ровной стрелой унеслась вперёд. Степь по обе стороны тёмной полосы напоминала бильярдный стол, как своим цветом, так и безупречно ровной поверхностью. Ни единой зацепки для скользящего глаза. И лишь очень

далеко, почти касаясь медленно плывущих белых облаков, виднелось нечто тёмное и бесформенное, словно выцветшая клякса. Однако дрожащий над степью раскалённый воздух не позволял разглядеть ни единой подробности. Это мог быть город, а ещё – лес, или летающая тарелка.

– Скоро вечер, – заметил подошедший Илья и кивнул головой в сторону солнечного диска, неуклонно опускающегося к линии горизонта, – как поступим? Не хотелось бы оставлять девочек посреди поля. Ночью будет прохладно, а нам даже прикрыться нечем.

– Этот придурок с кладбища упомянул какую-то вдову, живущую дальше по дороге. Вроде бы – Селезень. Может, хоть она окажется подружелюбнее.

– Думаю, она будет намного дружелюбнее, если мы прирёмся к ней засветло. Предполагаю, ночная беседа может и не получиться.

– Илья, – тихо сказал я, не поворачивая головы, – там, на кладбище...

– Ладно, проехали.

– Да нет, послушай, – я повернулся, – всё как-то неправильно. Я же с тобой никогда в жизни даже не ругался, а тут мне натурально хотелось тебя прибить! Наваждение какое-то.

– Из-за девчонок люди и не такое творят.

– Но это же – Ольга!

– Я так понимаю, ты готов мне уступить право ухаживать

за ней?

Попытавшись ответить, я с ужасом ощутил, как внутри всплеснулось то самое, тёмное и агрессивное. Попытка загнать злобу обратно отняла массу усилий и, должно быть, это отразилось на моей физиономии. Илья, пристально наблюдавший за мной, кивнул и невесело ухмыльнулся.

– То-то же, – пробормотал он. – Пошли, поторопим наших желудков.

Он отошёл, а я остался, прислушиваясь к своим внутренним демонам. О, они были полностью удовлетворены окончанием разговора и одобрительно кивали тяжёлыми гривастыми головами, обмахивая острые клыки шершавыми языками.

Всё было неправильно. И этот чёртов браслет, пиявкой впившийся в моё запястье. И это местечко с его погодой, так подозрительно напоминающей середину лета. А самое главное – моё собственное поведение. Честно признаюсь: никогда прежде не грешил повадками классического альфа-самца, с неуёмным желанием поставить на место зарвавшегося конкурента. А тут... Ладно, вернёмся домой, к привычной жизни (А стоит ли? – вкрадчиво поинтересовался тихий голос из сумрака внутри) и всё вернётся на круги своя.

Желудки, как назвал их Илья, дожёвывали на ходу, вызывая шквал шпилек от Натахи и Гали. Оля молчала, поджав губы, и весь её вид выражал крайнюю степень неодобрения. Твою мать, я и сам был поражён полным отсутствием куль-

туры питания. Как животные, честное слово!

И отвлечься невозможно: вперёд убегала ровная гладкая и пыльная дорога в окружении однообразных полей, где гнал травяные волны крепчающий к вечеру ветер. Ни какого-нибудь деревца, ни даже кустика. Жуткое однообразие, мешающее оценить пройденное расстояние. Да и ход времени можно оценить лишь по опускающемуся светилу.

Разговоры мало-помалу прекратились. Даже Галька, похоже, начала утомляться, и бесконечный поток благоглупостей из пухлых губок иссяк до ничтожного ручейка. Паша время от времени выразительно вздыхал, бросая жалобные взгляды на свою боевую подругу. Витёк и вовсе брёл вперёд, точно зомби – тяжело передвигая ноги и глядя в землю. Как ни странно, но девушки держались намного бодрее, а Наташа чуть не волоком тащила благоверного в светлое будущее.

Когда светило коснулось созревшим боком земли, Оля молча сжала пальцами моё плечо и указала вперёд. Присмотревшись, я разглядел длинное приземистое здание, окружённое высокой оградой.

– Алилуйя, – тихо сказал Илья. – Очень даже вовремя.

– Ты это о чём? – не понял Паша. – Машина?

– Губку закатай, – ласково попросила Ната, – всего-навсего карамельный домик местной ведьмы. Вдова Селезень, гм, это же надо! Почему не утка?

– Да хоть ворона, – угрюмо буркнул Витя. – Мне бы упасть на мягкую бетонную плиту и уснуть. Ну вот нафига мы ушли

с кладбища? Такое тихое место!

– Угу, – кивнул я, – зелёная зона, тихие соседи. Сам же говорил, что боишься.

– Передумал, – он безнадёжно махнул рукой, – пошли уже. У меня сил осталось только на последний бросок, потом – помру.

– Лишь бы у этой вашей гусыни собачек не было, – сморщив нос, Пашка попытался приладить оторванный кусок штанов на место. – Не одежда, а хрен пойми, что!

Собачек у вдовы вроде бы не было, но попасть внутрь оказалось сложнее, чем на территорию секретной военной базы. Высокий, в два моих роста, забор из плотно пригнанных одно к другому брёвен венчала неприятная колючая поросль с шипами подлиннее указательного пальца. Ворота так и во все поражали своей монументальностью, вызывая желание сходить за мощным тараном или тонной взрывчатки.

– Это – атомное бомбоубежище? – ошарашенно поинтересовался Витя и благоговейно коснулся неохватного ствола, служащего центральной опорой сооружения. – Экая первобытная мощь! Ну и как нам добраться до этой самой вдовы? Перелететь?

– Башкой подумать, – фыркнула Ольга и дёрнула за длинную верёвку, спрятанную в узком жёлобе рядом с воротами. – А насчёт первобытного... Пожалуй, ты прав, телефона мы тут не найдём, как пить дать. Они тут, по ходу, какие-то старорежимные. Думаю...

– Ктот? – такой голос вполне мог быть у Иерихонской трубы. – Чтонать?

У невидимой пока вдовы оказался такой же невнятный говор, как и у предыдущего собеседника. Она сглатывала окончания слов, словно зажёвывала их. Галя хихикнула, а на лице Наташи появилась неловкая улыбка. Витёк, тот вообще был само недоумение.

– Нам бы переночевать, – сказал я как можно громче. – Мы можем заплатить.

– Этсамсобе, – взревела сирена, и кусок бревна в воротах исчез, сменившись частью загорелого морщинистого лица с прищуренным чёрным глазом. – Ктотаки? Откуть?

– Заблудились мы, – пояснил я, краем глаза наблюдая, как недоумение на физиономии Вити сменяется откровенным непониманием, – думали до города засветло добраться, но, видимо, уже не успеем.

– Дгорода? Нет, – задумчиво прогудел глаз и вдруг резко увеличился в размерах. – Спогостаить? Отеть?

– Ну, да, – обескураженно подтвердил я, – с той стороны. Нет, ну если у вас есть телефон, то дайте позвонить, и...

Похоже, меня уже никто не слушал: часть бревна с грохотом встала на место, потом оглушительно гроыхнуло, и одна створка медленно отползла назад, оставив узкую щель. Несложно догадаться: нас приглашали внутрь.

Вдова Селезень оказалась огромной бабищей неопределённого возраста. Чёрный платок скрывал её волосы и лоб, а

тёмно-коричневый балахон, отдалённо напоминающий платье, позволял оценивать лишь исполинские размеры брюха и лежащего на нём бюстища.

Сложив большие узловатые ладони на бочкообразном животе, хозяйка пристально осмотрела всех нас и медленно отступила на пару шагов. Лицо её, вроде бы невозмутимое, тем не менее скрывало... Испуг?! Да быть того не может! Она же с лёгкостью могла уделать любого из нас. Да кому я вру – всех сразу!

– Вдомнипущ, – строго сказала Селезниха и ткнула толстым пальцем в покосившийся и почерневший от времени сарай. – Тсеновал. Спатьтам. Денегненать.

– А умыться где-нибудь можно? – осторожно поинтересовалась Оля, обращаясь скорее к спине хозяйки, закрывавшей ворота. – Мы весь день на ногах.

– Усараябочка дождьводы, – прогудела вдова и громыхнула исполинским куском дерева, выполнявшим роль засова. – Попреджаю среброимется. Домосвящён.

Как-то боком, словно опасалась надолго поворачиваться к нам спиной, хозяйка шмыгнула к дому и мгновенно исчезла внутри, захлопнув за собой дверь. Илья тихо похохатывал.

– Эт чего было? – я ни черта не понимал. – Весь этот финальный твист с серебром и освящением. Какого хрена?

– Тётка, похоже, слегка, а может и не слегка, не в своём уме, – продолжая хихикать, пояснил товарищ. – Мы пришли со стороны кладбища, и она приняла нас за нечистую силу.

Вампиров.

– Скорее – упырей или вурдалаков, – поправила Оля и хмыкнула: – Пустяки. Вот я как-то была у двоюродной бабки, так та чудила ещё похлеще, чем эта. Ночью с домовым разговаривала, самогон ему наливала.

– Я – вурдалак! – Наташка оскалила зубы и сделала попытку укусить Пашку. Тот вяло отмахивался.

– Стоп, стоп, – Витя поднял руки вверх, – погодите. Не знаю, какие там упыри или вурдалаки, но, ради бога, поясните: на каком языке она тархтела? Я не понял ни единого слова.

– Ну, неразборчиво бормочет, – заступился я за хозяйку, – я и сам путаюсь в её дурацком диалекте, но...

– Да к чёрту! – яростно завопил Витёк. – Какого хера ты городишь! Она вообще не по-русски говорила. На немецкий больше похоже.

– Мальчик перегрелся от усталости, – фыркнула Галя, – иди, поспи чуток. Может, попустит.

– Сама дура! – огрызнулся парень и повернулся к Наташе: – А ты что скажешь?

– Витя, её совет не лишён определённой ценности, – осторожно заметила девушка, – день был весьма необычным и утомительным. Похоже, ты действительно слегка подустал.

– Да идите вы все к чёрту! – выдохнул Витя и почти побежал к сараю, отведённому нам для отдыха.

– Немецкий? – недоумённо пожал плечами Илья. – Э-э...

Пошёл-ка я переговорю с ним. Уже такое было как-то раз, — он многозначительно зыркнул на меня, намекая, с чем именно «такое» было связано, — я его тогда водкой отпаивал. А сейчас даже не знаю.

— Водой отлей, — угрюмо бросила Галка, — психопат припадочный. Меня утром ненормальной называл, а сам чудит без баяна.

Илья ушёл, а спустя несколько минут я махнул рукой и отправился за ним к сараю. Следом потянулись и остальные, обсуждая выходку товарища. В целом все оказались солидарны, упирая на тяжёлый день и жару, которые вполне могли спровоцировать подобную вспышку.

Тем временем светило успело спрятаться не только за высокой оградой, но и за невидимым горизонтом. Небо окрасилось в тёмно-фиолетовый оттенок и прозрело тысячами золотистых глаз, испуганно подмигивающими нам с высоты. Облачка, прежде безупречно белые, напитались алым цветом заходящего солнца, и теперь, подобно уставшим языкам пламени, медленно растворялись во тьме, освобождая небосвод.

Бочка, упомянутая вдовой, оказалась огромным деревянным коробом с массивной крышкой, которую мы с Пашей едва сумели поднять и положить в траву. Тёмная вода, словно живое зеркало, отразила очи неба, превратив их подмигивание в дикий танец сверкающих точек. Посреди этого золотистого безумия меланхолично скучал деревянный ковшик

с длинной резной рукоятью.

Девчонки немедленно затеяли водное сражение, обрушив на нас с Пашкой целый водопад холодной чистой влаги. Товарищ сразу же трусливо ретировался в сарай, из глубин которого доносился нервный голос Вити, изредка прерываемый спокойными репликами Ильи. Я попытался оказать достойное сопротивление, но меня тотчас назвали бесчувственным тупым животным и погнали прочь, дабы я не мог помешать нежным кошечкам наводить марафет.

В каждой шутке имеется доля шутки, и я мгновенно сообразил, насколько сейчас эта доля невелика. Посему, больше не споря, пошёл внутрь сарая, перехватив пару откровенных взглядов. И если первый меня несколько не удивил, то второй – поставил в тупик. Чего-то в женщинах я не понимаю. Может быть, ничего не понимаю.

Строение оказалось двухэтажным, если это можно так называть. Нижний ярус почти полностью заполняло свежее сено, издающее резковатый, но всё же приятный аромат, от которого я почему-то ощутил возбуждение. Или запах тут ни при чём?

Голоса парней доносились из дальнего угла, там, где огромная куча скошенной травы сходила на нет. Желания кого-то успокаивать или вести задушевные беседы я не ощущал, поэтому полез по скрипящим ступеням ненадёжной лестницы наверх.

Сено было и здесь, но гораздо меньше, причём именно это

местечко кто-то использовал для ночлега. На душистой подстилке лежал смятый кусок грязной тряпки, и я брезгливо отшвырнул его прочь. Ого! А здесь имелись окна. В скате крыши чернели четыре квадратных отверстия, освобождённые от крышек, сложенных у стены.

Красота! Я повалился в покалывающую сквозь одежду пушистую массу и уставился на мерцающие огоньки звёзд, пытаясь отыскать знакомые созвездия. Естественно, не нашёл: мне и медведей-то удавалось найти, если кто-то показывал. Вот такой я хреновый астроном.

Только сейчас стал слышен оглушительный хор многочисленных насекомых, словно обезумевших с наступлением темноты. Темноты? Странно, но я продолжал видеть достаточно чётко, словно рядом присутствовал источник рассеянного света. Видимо, особенность местных ночей.

Сквозь гвалт насекомых донеслись осторожные шаги и тихое потрескивание ступеней. Кто-то медленно поднимался вверх и, ощущая знакомый аромат, я мог точно сказать – кто. Потом этот кто опустился рядом и осторожно укусил за ухо. Холодные пальчики едва ощутимо скользнули по груди, легко справившись с пуговицами рубашки и пощекотали живот. Желание стало почти нестерпимым, и я, прижав нахальную конечность, повернул голову, касаясь губами упругой кожи щеки. Оля тихо засмеялась и отодвинулась.

– Нет, мой лев, – прошептала она, – сначала я хочу романтики. Посмотри, как сказочно красиво вокруг. Сама обста-

новка требует, так что давай, вдохнови меня.

Во мне бурлило, словно адское варево в колдовском котле, и желанное тело было близко до головокружения, но я хорошо понимал, насколько серьёзно настроена Ольга. Она собиралась получить всё, до последней капли.

До сих пор я не посвящал свои стихи никому, кроме Марины, изливая в них свою безответную любовь и отчаяние. Сейчас, глядя на совсем другую девушку, я ощущал нечто иное, и строки, приходящие в голову, не имели ничего общего с прежними сочинениями:

Гладкое тело в свете луны
Зелёные очи, как полночь темны
И груди твои как холмы высоки
А губы твои так маняще близки.
Пальцы твои словно лёд холодны
Ты веки прикрыла – глаза не видны,
А губы твои как огонь горячи
И слышу, как сердце безумно стучит.
Под кожей твоей – жаркий пламень и лёд
Целуешь меня, губы – перец и мёд
А очи твои то светлы, то темны
И близость твоя то – реальность, то – сны...

– Ну и? – Оля, практически обнажённая, легла на меня, обжигая пылающей кожей. – Скажи: хочу...

– Хочу тебя! – прохрипел я, и всё заверте...

Нет, это очень отличалось от предыдущего раза: я словно угодил в жерло пылающего вулкана, и пламя поглотило меня, обратив в часть себя. Языки огня ласкали тело, сжигали его и проникали внутрь, становясь мной. Казалось, Оля была везде и нигде одновременно. Её запах и вкус... Это было нечто неопишное. Словно я заблудился в пустыне и, умирая от жажды, обнаружил живительный источник, которым никак не мог насытиться.

Сколько всё это продолжалось – не знаю. Казалось, энергия, бушующая внутри, не даст остановиться никогда, однако в один миг мир затрепетал, и волна экстаза прокатилась по всей вселенной, сшибая звёзды и взрывая их. Я даже видел эти разноцветные огоньки, плавно опускающиеся во мрак.

А потом вдруг не осталось ничего, кроме самого мрака. Впереди бледно светилась распахнутая дверь, и мне нужно было пройти в неё. Неудержимо тянуло вперёд, но я твёрдо знал: с другой стороны притаился некто могущественный и враждебный всей моей сущности. Страх сковывал тело, но я продолжал приближаться ко входу... Куда? Не знаю. Внезапно я ощутил, как тварь с той стороны устремилась навстречу, наращивая скорость с каждым мгновением. В самый последний момент мне удалось разорвать незримые путы, и я рванулся прочь, исходя беззвучным воплем...

И проснулся.

Казалось, в ушах затихают отзвуки далёкого вопля, но по-

нять, мой ли это крик, вызванный жутким сновидением, или чей-то ещё, я не мог. Впрочем, звук вполне мог быть всего-навсего частью кошмара.

Ночь продолжалась. Всё так же загадочно перемигивались звёзды под громогласный хор неутомимых насекомых. Еле слышно посапывала спящая Оля – её-то определённо ничего не беспокоило. Лицо девушки в рассеянном свете казалось совершенно незнакомым: оно стало ещё краше и приобрело ангельские черты.

Полюбовавшись великолепной грудью и стройными ногами, я неторопливо оделся и очень тихо спустился вниз.

Почти у самой лестницы, наполовину зарывшись в траву, лежал на боку Витёк. Физиономия у парня казалась такой несчастной, словно у маленького мальчика отняли любимую игрушку. Хихикая, я искренне пожалел о неработающем фотоаппарате, после чего прокрался к выходу и окунулся в бесконечный простор летней ночи.

Снаружи оказалось совсем светло: огромная луна тяжело тащила по звёздному небу своё опухшее тело, окрашивая серебристой краской деревья в саду. Казалось, кто-то заменил растения платиновыми муляжами, не жалея драгоценного металла. На мгновение у меня мелькнула мысль пойти разбудить Олю и показать ей всё это чародейство, но, сделав несколько шагов, я передумал.

Чуть дальше, среди низкорослых деревьев, напоминающих ивы, на толстом бревне, превращённом в лавочку, сидел

кто-то, понуривший голову. И этот «кто-то» подозрительно походил на Наташу. Кажется, девушка пребывала не в самом лучшем настроении. Лучше всего было просто уйти, и я намеревался так и сделать.

– Иди сюда, – сказала Ната, и её шёпот странным образом перекрыл весь ночной гомон.

Я медленно подошёл и сел рядом. Её светлые (Что за?..) волосы скрывали лицо, но я словно видел выражение непонимания и боли, написанное на нём.

– Какая луна! – почти простонала девушка и повернулась ко мне. – Она так не похожа на обычную, правда? Знаешь, у меня ощущение нереальности, будто мы попали на совсем другую планету, с другими законами и правилами, и теперь прошлое постепенно превращается в дым, туман, – она помолчала, а потом медленно убрала волосы с лица. Странно, но её черты почему-то напоминали Ольгу, как это бывает у близких родственников. – Я пыталась заняться любовью с Пашей, но он начал кричать, словно мои прикосновения жгли его. И я ушла. А теперь мне тоже больно! Больно вот здесь.

Она коснулась груди, и её глаза, отражая лунный свет, вспыхнули жёлтым. На несколько безумных мгновений мне показалось, будто свет этот вовсе не отражённый, но я тут же отбросил нелепую мысль прочь, уж слишком она повышала градус сумасшествия, которого и так хватало в последнее время. Да и вообще, голова оказалась полна совершенно

иными мыслями, препятствующими размышлениям на иные темы.

Короче, я, с некоторым испугом, осознал, как сильно хочу Наташу, и неизвестно откуда почувствовал встречное влечение. Возможно, в этом безумии была повинна фантастическая луна, лишавшая последних остатков разума; возможно – откровенный взгляд, пойманный мною у бочки с водой.

Голова Наты опустилась, и её волосы (Да нет, они совершенно очевидно стали гораздо светлее!) полностью скрыли лицо. Наружу проникали только слова, которые летучими мышами кружились надо мной, и лишь спустя некоторое время позволяли уловить их и осознать значение.

– Со мной что-то происходит, – она потрясла головой, будто пыталась избавиться от некоего наваждения, – весь день меня словно несли вперёд какие-то невидимые крылья. Эта... – девушка пошевелила тонкими пальцами, подбирая подходящее слово, – эйфория – прежде я никогда не испытывала ничего подобного – она как оргазм, который всё никак не желает заканчиваться. – Ната подняла голову, и я различил блеск глаз сквозь светлые пряди волос. – А потом я вдруг осознала, что хочу тебя. Безумие, да? Как будто всё происходящее с нами: этот светящийся круг, непонятное место и невидимые крылья, было лишь прелюдией к чему-то большему, главному. И это главное – ты. Мне должно быть стыдно, да?

Голоса ночных насекомых отодвигались всё дальше, точ-

но кто-то сдвигал ползунок громкости на минимум, а свет луны становился всё ярче, проникая в самые дальние участки души, открывая там истины, неожиданные для меня. А затем ослепительная вспышка возвестила о единении наших губ.

Нет, зря мне показалось, будто между Олей и Наташей имелось какое-то сходство, разве некоторые черты: в занятии любовью девушки оказались совершенно непохожими. Первая была ярким огнём, испепеляющим пламенем страсти, а теперь я оказался во власти неудержимого потока раскалённой лавы: тебя словно сковывают по рукам и ногам, и ты способен лишь повторять движения пленившего тебя. Но стоит расслабиться, позволить потоку управлять собой, и ты получишь немыслимое наслаждение.

Ната, несомненно, любила и умела доминировать в сексе. Её сильные руки ласкали моё тело, в то время как упругие губы то касались моих, то ныряли вниз, оказываясь внезапно в самых неожиданных местах. Красивые мускулистые ноги обвивали поясицу, регулируя ритм и почему-то это вовсе меня не раздражало. Оставалось только раствориться в океане удовольствия, стать его частью и утратить собственное я.

Время от времени я вновь становился собой, и тогда часть меня, отстранённая от вязкого жара, фиксировала звёздное небо с ухмыляющимся ликом луны, тёмные силуэты деревьев, тихо шелестящие в потоках слабого ветерка, чью-то фигуру на лавочке, где мы сидели прежде... Какого чёрта?!

– Как интересно, – задумчиво сказала Галька, посеребрённая призрачным сиянием. – Вы уж извините, но я устала сидеть в кустах. Не слишком помешала?

– Ты – засранка! – только и смог выдохнуть я, пытаюсь не глядеть в глаза поднимающейся партнёрши. – Другого места, кроме кустов и лавочки, вокруг, естественно, нет.

– Настолько интересных? Не-а.

Наташа ничего не говорила. Впрочем, она не выглядела смущённой или пристыженной – скорее задумчивой. Девушка неторопливо поцеловала меня, после чего медленно оделась, дав в полной мере оценить великолепно развитое тело, и отправилась к сараю, покачивая крутыми бёдрами. Проходя мимо Гали, она едва слышно фыркнула, и та тотчас фыркнула в ответ. Что за?.. Только теперь я сообразил: наша полуночная гостья совершенно обнажена!

Да они все рехнулись!

Впрочем, а я-то чем лучше? Отбил девушку у лучшего друга и только что переспал с девушкой другого. Да, всё произошло по взаимному влечению, но легче от этого не становится. Как бы на такое отреагировал старина Фрейд? Лечиться вам всем надо, и чем быстрее – тем лучше.

– Забавно получилось? – хихикнул голый чертёнок, изогнувшись в лунном свете и дав тому жадно облизать все выпуклости худощавого тела. – Ну и ночь сегодня, а? Просто прелесть! Давно мне не было так хорошо...

Я сидел, опёршись рукой о скомканную рубашку, и раз-

глядывал собеседницу, поражаясь тому, как пронизанная лунным сиянием темнота может изменять черты лица и абрис тела. Ночное светило определённо решило подшутить над всеми тремя девушками, одарив их одинаково светлыми волосами и кукольными физиономиями супермоделей. А фигуры всех выглядели намного аппетитней, чем обычно.

Впрочем, о чём я? Когда это у меня была возможность подробно изучать Галю в обнажённом виде? Прошлым летом, на пляже? Когда над ней, точно коршун, нависал её очередной мачо, готовый набить морду всякому, задержавшему взор на девушке дольше чем на полсекунды?

Про Наташку я вообще молчу. У меня прежде и мыслей таких не было. А сейчас, вспоминая, как мы занимались любовью, я не смог удержать довольной улыбки. Хорошо.

– Ну, как было? – поинтересовалась Галя и подмигнула. А когда это она успела опуститься на землю и расположиться рядом? И почему в её глазах прыгают бесенята? Однако же, может быть, хватит задавать самому себе идиотские вопросы, особенно когда красивая девушка в звенящей ночи, пронизанной лунными лучами, касается твоего тела своими тонкими пальчиками?

– А ты это с какой целью интересуешься? – я перехватил шаловливую ручку и поцеловал её. – Не слишком ли много неожиданностей, для одной ночи?

– Да уж! – она со смехом вырвалась, и вдруг, одним плавным движением, оседлала меня. – Не шевелись, а то – уку-

шу. Честно говоря, от Наташки я такого не ожидала. Такая вся приличная... Вот тебе, я же предупреждала!

– Больно, – пожаловался, потирая укушенное место, – у тебя зубы острые, как у кошки!

– Ты ещё не видел, какие я могу оставить следы на спине! Лучше лежать спокойно. Вот так, хороший мальчик. А за послушание я буду тебя целовать. Вот сюда. И сюда. Ага, попался!

У меня и близко не было мыслей об усталости, но эта чертовка, по всей видимости, могла бы пробудить желание и у мёртвого. Похоже, ко мне сообразовали явиться третья стихия. На этот раз, вода – игривая, плещущая свежей энергией и норовящая захлестнуть с головой, перехватив дыхание.

Полчаса, а то и больше, мы просто невинно развлекались, кусая, царапая и щипая друг друга, а потом этот бесёнок взялся за меня в полную силу, и я понял, насколько мои предыдущие партнёры были любителями по сравнению с этим узконаправленным профессионалом сексуальных утех. За один единственный раз я узнал раз в десять больше, чем за все предыдущие годы.

Иногда в моём совершенно одуревшем сознании всплывал идиотский вопрос: обе ли сестры столь искусны в мастерстве любви, но образ Марины испарялся под мощным напором сексуального урагана, который кто-то по ошибке поместил в тело девушки Галины. Её скуластое лицо превращалось в ослепительный лик луны, светлые волосы скользили

по моей коже, а груди соблазнительно ускользали от пальцев, неожиданно и волнующе касаясь сосками моих.

Небо начало сереть, а звёзды бледнеть, испаряясь, когда Галя, продолжая хихикать, остановилась и впилась в мои губы долгим страстным поцелуем.

– А я-то думал, ты ещё девочка, – сказал я улыбаясь, когда она оторвалась от меня, и немедленно получил щелчок по губам. – Прекрати.

– Почти, – хмыкнула она и поднялась. – Главное – не количество, а качество. Как тебе качество?

– Очуманеть, – совершенно искренне признался я, и получил в подарок ещё один поцелуй.

Галя качнулась в сторону, словно собиралась уходить, и вдруг замерла, внимательно глядя на меня.

– Знаешь, – пробормотала она, покусывая нижнюю губу, – странно всё как-то... В общем, обычно я ничего к тебе не чувствовала – ну, ходишь к сеструхе, и ходи себе. Не обижайся, но Витка мне всегда гораздо больше нравился. А сегодня, ну точнее, ещё вчера, как удар: смотрю на тебя и чувствую: хочу. И не просто хочу, а как кошка – готова спинку изогнуть и голову подставить. Не вздумай смеяться, а то покусую!

– Да я и не думал, – совершенно искренне сказал я, – хорошо мне, вот и всё.

– Ладно, днём. Ночью вдруг поняла: если вот прямо сейчас не пойду и не трахну тебя – умру. Словно опоили чем-

то. Сознайся: хотел приворожить сеструху, а налил мне?

– Точно, – согласился я. – Никому не говори, но я – великий сексуальный маг и чародей. Все вы: ты, Ольга и Наташа, в моей власти. Скажи лучше, сейчас-то хоть попустило?

– Нет, – тихо прошелестела девушка и растаяла в серебристом сумраке.

Некоторое время я вообще не мог связно размышлять: в голове каталось разноцветное нечто и оставалось расслабленно наблюдать, как оно переливается мягкими красками. Даже не знаю, сколько продолжалось это единение с нирваной, но кончилось всё, как обычно, не слишком хорошо.

Внезапно внутри возникла бездонная чёрная воронка, и меня тотчас втянуло внутрь, погрузив буйство расслабляющих тёплых красок во тьму, наполненную ледящими ветрами. Пальцы окоченели, превратившись в неподвижные сосульки, а грудь наполнилась хрустящими кристалликами льда. Это напоминало голод в его крайней стадии. Наверное, именно так ощущают себя люди, умирающие от истощения. Вот только я не был голоден, и бездонная мёртвая дыра находилась не в желудке, а снаружи. Она вообще существовала как бы отдельно от всего реального мира.

Окончился странный приступ так же внезапно, как и начался: меня просто вышвырнуло из ледяной чёрной преисподней обратно в тёплую летнюю ночь, мало-помалу трансформирующуюся в прохладное утро.

Тёмные силуэты деревьев обрели цвет и объём, а утра-

тивший волшебное очарование шар луны стыдливо прятался за высокий забор. Ветер усилился, посвистывая в листьях, и подали голос первые птахи, легко затмив звонкими головами усталых певцов ночи.

Я медленно и неохотно облачался, когда услышал чьи-то осторожные шаги. Хм. От сарая ко мне приближался Илья. Честно говоря, я даже немного испугался. Уходящая ночь оказалась такой необычной, а я мог и перестараться накануне, приложив его головой о камень. Промелькнувшие мысли привели меня в ужас.

Товарищ остановился и, приложив палец к губам, поманил меня. И манит, и манит... Экая хрень в голову-то лезет!

– К нашей вдове приехали сыновья, – прошептал Илюха, стоило мне подойти, – странные такие парни, все трое. И очень большие. Пошли, послушаешь, о чём они говорят.

Ф-фу, от сердца отлегло. Однако окаменевшая физиономия друга говорила о его серьёзной обеспокоенности. А Илья никогда не пытался наводить панику на пустом месте – слишком умён для такого. А вот в лице его нечто странное... И в причёске! И в цвете волос! Фигня какая-то. Ладно, потом разберусь.

Мы тихо подкрались к углу строения, и товарищ, ещё раз прижав палец к губам, махнул рукой. Я осторожно выглянул из-за угла, и тотчас невнятное бормотание, сливавшееся до того с пронзительным пением птиц, превратилось в осмысленную речь.

Сквозь серый сумрак подступающего дня дом вдовы напоминал огромную чёрную глыбу, вросшую в землю. Три булыжника поменьше, замершие у входа, вели тихую беседу. Странное дело: в принципе на таком расстоянии я не должен был расслышать их разговор, но благодаря непонятному эффекту чётко различал каждое слово.

Хозяйка, с заметной нервинкой в голосе, возражала двум молодым (если судить по голосам) парням. И то, в чём они пытались её убедить, мне совсем не понравилось.

– Дылда сказал, что если ещё какой мытарь сгинет в окрестности – шкуру с нас спустит, – злобно басила вдова, упирая ладони в необъятные бёдра, – а у этих-то и взять неча.

– Угу, то они – ламии, то взять неча, – похохатывал молодой басок, – мамаша, признайся, стара ты слишком стала. Девки, ты грила, у них дуже файные, вот девок и возьмём.

– Тощие.

– Ничё, возьмём тощих. А там, гляшь, и золотишко какое на них, в голом-то виде, обнаружится. А Дылде откель про них знать, сама грила – со старого погоста пруть. Оттеда ж никто не шастаить.

– Вот и грю – ламии то! – странное дело, сегодня вдова не так проглатывала окончания слов, да и вообще её речь стала намного внятнее. – Ты ж дурень, знашь, я трохи ворожея. Могу по виду души расписать, кака у тя болячка.

– Ну? – это другой, чуть постарше.

– Так вот, у двух пацанов усё у порядке, а вот у трёх девок и двоих других – души-то и нету. Вовсе. Пусто у их там. Грю: ламии то, упыри как есть, со своим помощниками. И с погоста старого пришли, потому как свежей кровушки захотели. Я их чо и пустила, сам знашь: коли упыря пригласишь по доброй воле, тебя он сосать не будет.

– Ламии, упыри, – протянул старший и достал из-за пазухи длинный предмет. – Гусак, топай за топором, и поперёд Селезня, чтоб от ворот ни на шаг. И вилы от себя пушай не отпускает. Супротив упыря сталь – самое то! А упыриху-то я ещё не трахал.

Так, трое. Один у ворот, а двое других сейчас пойдут убивать нас и насиловать наших девочек. Я повернулся к Илье, который тоже слушал всю эту милую беседу и теперь мотнул головой: дескать, как будем выкручиваться? Страх я почему-то не испытывал, только сосредоточенность и холодную ярость. Упырями здесь были вовсе не мы, а вот эти четверо нелюдей, регулярно убивавшие своих постояльцев.

– Собирай всех, – тихо сказал я, и, обняв товарища за плечо, потащил прочь. – Ворота охраняются, а оружия у нас нет. Да и здоровые эти утки-селезни, хрен из пушки пробьёшь! Поэтому идите вглубь сада, а я поищу какое-нибудь дерево около забора, может получится перелезть. Всё понял?

Илья кивнул и опрометью бросился внутрь сарая.

Стараясь держать себя в руках и не ускорять шаг, я направился к ограде. Первый раз в жизни меня намеревались

убить! И не какие-нибудь гопники в подворотне, поигрывающие выкидным ножичком, нет. Люди, которым уже пришлось это делать. Да они и обсуждали предстоящее словно привычное и несложное дело. Несложное, ха! Если мы не сумеем удрать, двое громил с топорами нашинкуют нас, словно капусту. Ночь воистину переставала быть томной.

Да и ночью тоже: верхушки деревьев начали вспыхивать, улавливая первые лучи поднимающегося солнца. Я обернулся: не появился ли кто-нибудь из гостеприимных хозяев? Нет, пока всё спокойно. Однако же в этой полосе, около ограды, я как на ладони. Полосе? Твою мать!

– Твою мать! – я негромко выругался и ускорил шаг.

Все деревья, на расстоянии метров трёх от стены, оказались аккуратно вырублены, а ветви оставшихся подрезаны. Похоже, эти психопаты специально приготовили ловушку для таких беспечных придурков, как мы. Я уже почти бежал вдоль толстых брёвен ограды, и паника мало-помалу овладевала мной. Стать друг другу на плечи? Чёртовы колючки на верхушках деревянных кольев выглядели весьма неаппетитно и очень прочно. Попробовать прыгнуть с высокой ветки? Высота порядка пяти-шести метров – верный перелом или вывих.

Стена повернула под прямым углом, и я побежал, продолжая вертеть головой в поисках малейшей зацепки на спасение. Хоть единственный шанс!

Что это? Я остановился, не веря своим глазам: неболь-

шая дверца, куда можно пролезть, если немного пригнуть голову. Единственной проблемой казался толстый деревянный засов, закреплённый в металлических кольцах чем-то отдалённо напоминающим ржавый амбарный замок. Неужели нам повезло?

Я пригляделся, и этот второй взгляд оказался не столь оптимистичным. Мало того, мне совсем не понравились глубокие царапины на засове. Такие вполне могли оставить ногти человека, теряющего рассудок от ужаса. Земля под ногами пропиталась чем-то коричневым и выглядела утоптанной, словно... Место казни? Эти ублюдочные садисты вполне могли развлекаться, позволяя жертве почувствовать надежду на спасение.

Уроды! Страх уступил место бешенству. Я опять представил, как после моей смерти наших девочек станут насиловать эти отвратительные скоты. В глаза плеснуло багровым, и я изо всех сил ударил кулаком в проклятую дверь, преградившую путь к спасению. Оглушительно хрустнуло, и я по инерции ударил другим кулаком. Ещё раз затрещало и гулко хлопнуло.

С некоторой оторопью я уставился на дело рук своих. Видимо, за состоянием калитки никто не следил, и дерево основательно прогнило. Толстенный засов сломался пополам, а сама дверца слетела с петель и лежала на земле. Поднятая ударом пыль, вместе с крохотными опилками, медленно опускалась вниз.

– Ты какого тут шумишь? Ого!

Я обернулся.

Илья вёл наших, удивлённо покачивая головой при виде всего этого безобразия. Товарищ, как и девочки, выглядел весьма бодро, а вот Витя и Паша весьма напоминали зомби, недавно покинувших уютные могилки, и если Витёк лишь непрерывно зевал, потирая заспанные глаза, то Павел шатался, словно ноги отказывались нести его. Похоже, заболел. А девочки – хороши! Как на подбор. Теперь, когда они были вместе, странное сходство проявилось ещё заметнее. Хм, да и волосы стали светлее и длиннее.

– Тараном воспользовался? – ехидно осведомился Илья, пиная половинку засова. – Головой, очевидно, поработал?

– Угу, она у меня знаешь какая умная, – парировал я и кивнул в сторону дома. – Как там, тихо?

– Вроде, да, – он пожал плечами. – Вот суки! Раньше только в новостях про таких говнюков слышал, а теперь вот столкнулся. Кто бы мог подумать!

– Пошли быстрее, – сказал я, вглядываясь в тонкие пряди утреннего тумана, плывущего между стволами деревьев, – а то как бы действительно не пришлось столкнуться.

Накаркал.

В глубине сада, едва не превратившегося в смертоносную ловушку, наметилось некое движение, как если бы двое огромных мужиков с чем-то длинным в руках со всех ног бежали в нашу сторону.

– Чёрт! – выругался я и посторонился, пропуская девушек. – Витёк! Да проснись ты, мать твою! Это же не шутки!

Проходивший мимо Паша споткнулся, и несомненно упал бы, если бы Наташка не поддержала парня под руку. Вид у девушки был несколько виноватый, и взгляд она не отрывала от земли. Но это не делало её менее красивой. И желанной? Проклятье, о чём я думаю?

На открытое пространство, тяжело пыхтя, выбежал огромный бородатый толстяк в бесформенной коричневой хламиде, напоминающей обтрёпанную и грязную рясу. В окорокоподобных лапах этот монстр сжимал наточенную до блеска здоровенную секиру. Топорище зловещего инструмента покрывали коричневые пятна, и это определённо не были следы от древесного сока. Громила резко остановился, и на его одутловатой морде отразилось недоумение. Маленькие тупые глазки ощупали цепким взглядом остатки засова, лежащую в пыли дверцу, а потом остановились на мне. Убийца поудобнее взялся за рукоять, и совершенно неожиданно его физиономия расплылась в широкой ухмылке.

– Я вас, ламиев, не боюсь, – проскрипел он, – я – не мамка, и не стану шарахаться от всякой грёбаной нечисти.

– Напрасно, – ощущая внутри ледяное спокойствие, отчеканил я и отступил на пару шагов, – нечисть, она и вернуться может.

Из-за спины первого «лесоруба» вынырнул ещё один, копия братца, но чуть меньше ростом. У этого имелся не то-

пор, а какая-то хрень, типа косы с короткой ручкой. Второго упыря тоже застопорило при виде сломанной двери, и он испуганно схватил брата за плечо ладонью, поросшей густым чёрным волосом. Я сделал им «козу» и нырнул за ограду.

К сожалению, здесь дела обстояли не так хорошо, как я надеялся. В принципе, мы могли бы запросто удрать от двух кровожадных бурдюков с дерьмом, если бы не одно «но»: Паше стало совсем плохо, и он почти висел на Вите и Наташе, бессильно мотая головой. Естественно, бросать товарища, спасая собственную шкуру, никто не собирался.

Ольга подняла на меня свои жёлтые (да какого?!) глаза, в которых светилась мольба и надежда на спасение.

– Ладно, – сказал Илья и поднял длинную палку, – дадим им просрать!

Явно не выход. Я огляделся. Здесь туман казался гуще, чем в саду, но сквозь серые космы можно было различить нечто определённо четырёхколёсное, чуть дальше, на дороге.

– Туда, – показал я пальцем. – Кажется, там машина этих ублюдков. Попробуем позаимствовать.

Сзади затрещало. Я обернулся. Ух ты! Похоже, наши гостеприимные хозяева так давно использовали потайную дверцу, что перестали соответствовать её размерам. Большой братец, пытаясь, протискивался в крохотный проём, напоминая злобную версию Винни Пуха. Это было бы даже смешно, если бы не топор с застарелыми следами крови

предыдущих жертв.

Скрипнув зубами от бессильной злости, я бросился следом за остальными.

– Машина? – язвительно встретил меня Илья и потряс своим дрыном: – Тогда это – пулемёт!

М-да, похоже, я и не представлял, в какую глушь нас занесло.

Лошадь, впряжённая в дощатую платформу, опирающуюся на две деревянные колёсные пары, испуганно косилась на нас тёмным блестящим глазом и нервно переступала грязными ногами. Это не было то красивое грациозное животное, которое любят показывать в кино. По сравнению с подобным недоразумением даже неказистый конёк, на котором ездил мой знакомый цыган, показался бы арабским скакуном. Да и воняло от лошади будь здоров!

– Ну и кто умеет заводить этот автомобиль? – угрюмо поинтересовался я, косясь на дорогу за спиной. – Лично я даже не знаю, с какой стороны к нему приближаться.

– Я немного умею, – внезапно откликнулся Витёк. Вот от кого бы не ожидал. – Чего уставились? Я три года подряд дядьке в селе помогал яблоки возить. Скажите спасибо, что хоть кто-то умеет это делать.

– Спасибо, – совершенно серьёзно сказал я. – Грузите Пашу на эту хрень и будем делать ноги. Копыта, то есть.

В тумане за нашими спинами оглушительно затрещало, хрустнуло, и донёсся звук падения тяжёлой туши, сопро-

вождаемый злобными ругательствами. Витя хотел задать какой-то вопрос, но я нетерпеливо пихнул парня к телеге и начал помогать Наташке устраивать Пашу на грубых досках. Хоть бы сена какого накидали! Павла совсем рубило: он едва ворочал руками и бормотал, как ему холодно. Высокой температуры я не наблюдал, но это ничего не означало. Вот ведь засада!

Стоило Гале с Олей вспорхнуть на наше средство перемещения, как лошадь затряслась мелкой дрожью, и Витьку пришлось натянуть грязные волосатые верёвки, служившие поводьями. Когда я посадил Наташу и обменялся с ней быстрыми взглядами, обнаружилось отсутствие свободных мест. А сзади уже доносился оглушительный топот двух злобных великанов.

– Гони! – крикнул я Вите и махнул Илье: ножками, мол, ножками.

Уродливое создание не стало упрямыться, и набрало с места вполне приличную скорость, которой я не ожидал от подобной коротконогой животины. Тем не менее мы с товарищем сумели удерживать тот же темп, ухватившись за криво сколоченные борта.

На бегу я оглянулся и увидел, как из тумана появился один из братьев-убийц. Похоже – младшенький, потому как в руках у него блестел серп. Тяжело дышащий толстяк попытался изобразить преследование, яростно проклиная мерзких воров. Но тут мы были вне конкуренции, оставив тол-

стозадых маньяков далеко позади.

Внезапно испуганно вскрикнула Оля. Немудрено: из-за поворота выскочил ещё один телепузик, с вилами наперевес. Очевидно, нам встретился третий поросёнок, охраняющий ворота. И он казался удивлённым не менее нас.

Пока я прикидывал, успею ли добежать до него, прежде чем он поднимет оружие, произошла странная вещь. Галя вдруг громко рассмеялась и пнула растерянного ублюдка пяткой в грудь. Казалось, для сокрушения подобной туши потребуется по меньшей мере термоядерный заряд, но, похоже, нам начало везти. Видимо, толстопуз очень неустойчиво стоял на своих коротких ножках, и лёгкий тычок смеющейся девушки отбросил тушу к самому забору, впечатав в брёвна. Продолжая хохотать, Галя послала сокрушённому колоссу воздушный поцелуй, сопроводив его непристойным жестом.

– Бесёнок, – пробормотал бегущий рядом Илья и хихикнул: – Я тебе кое-что расскажу, не поверишь.

У меня тоже имелось несколько интересных фактов, но я ещё не знал, хочу ли я с кем-нибудь делиться событиями прошлой ночи. По крайней мере, пока.

– Нашёл время, – хмыкнул я. – Мог бы начинать ещё в саду. Глядишь, наши убийцы остановились бы послушать.

– Хватит ёрничать, – странное дело, похоже, ни мне, ни Илюхе ничуть не мешал вести разговор бешеный галоп, которым мы неслись вперёд, – ты только никому не говори, но

ко мне сегодня ночью приходила Галька. И мы с ней...

Я едва не упал. Ну, по крайней мере, споткнулся. Нет, честно, такого я просто не ожидал.

– Вот-вот, – самодовольно надулся Илья, – не только тебе чужих девиц соблазнять. Ладно, не злись, это я так, к слову. И прикинь, эта засранка – совсем не девочка! А ведь даже я, дурень, так думал.

Я мог бы ответить, что уже осведомлён об этом интереснейшем факте, но сдержался, попытавшись прикинуть, когда Галя посетила Илюху: до меня или после. По времени выходило – до. А по ней и не скажешь! Внутренний голос ехидно намекнул на собственные ночные эскапады, никак не отразившиеся на бодром состоянии. По ходу сеновал состоял из какой-то местной виагры, и все мы нанюхались по самое не балуй. Другого объяснения всей этой активности у меня просто не было.

– Может, хватит гнать? – нервно поинтересовалась Наташа, бережно удерживающая голову Паши на своих коленях. – Мы уже уехали достаточно далеко. Думаю, эти ублюдки нас не догонят. А трясёт на такой скорости – только держись.

– Витя, останови пока! – крикнул я. – Надо Пашку посмотреть.

Разгорячённое животное наотрез отказывалось останавливаться, и ещё метров сто телега неслась на прежней скорости, прежде чем её удалось затормозить.

Уехали мы уже действительно далеко, и злополучного домика долбанутого семейства след простыл. Утреннее солнце успело разогнать серый туман, обнажив бескрайние поля и тёмную щётчку леса на горизонте. Дорога, по которой неслась наша кляча, вела вперёд не сворачивая, и где-то впереди тускло темнела какая-то бесформенная масса.

На всякий случай, я попробовал стянуть с руки приросший браслет, но проклятое украшение продолжало притворяться частью запястья. Придётся по старинке: кому – раз, два, три, четыре; кому – раз, два.

Паша немного очухался, и даже смог самостоятельно принять сидячее положение, однако цвет его физиономии всё ещё отличался от того, который можно наблюдать у здорового человека. Наташка всё это время продолжала хлопотать над ним, точно наседка, и вид у неё был донельзя виноватый, словно это она оказалась виновата в болезни парня.

Галя с Ольгой переместились на один борт телеги и, покачивая ногами, о чём-то оживлённо шептались, поглядывая в нашу с Ильёй сторону. Периодически то одна то другая начинала хихикать. Оставалось надеяться, что это никак не касается событий прошедшей ночи. Гале было о чём рассказать.

Витя, оставив поводья, подошёл к взбудораженной коняге и поглаживал её между ушами, прищёпывая нечто успокаивающее в дёргающееся ухо. Лошадка мало-помалу приходила в себя, и её хвост перестал вертеться, точно взбесивша-

яся метла. Водитель же кобылы, напротив, выглядел весьма встревоженным и чем-то очень озадаченным. Взгляды, которые он бросал на всех нас, походили на выстрелы снайпера, такие же короткие и хлёсткие: выстрел – Илья, выстрел – Ольга.

– Мне кажется, или девочки какие-то не такие? – задумчиво произнёс Илья, опёршись локтем о край телеги. – Точно изменились, – он пошевелил пальцами, пытаясь подобрать подходящее сравнение, – словно им всем сразу сделали пластическую операцию. Я, например, раньше никогда не обращал внимания на Наташку, а сегодня, – он понизил голос и наклонился ко мне, – прикинь, сегодня понял: хочу её и всё! Во дела! А тут ещё и Галя... Крыша едет.

– Да, – коротко ответил я.

Девчонки? Хм. Он своего лица не видел. Или меня попросту слегка глючит от усталости, недосыпания и голода? Тогда почему я – бодр, свеж и абсолютно не хочу есть? А по поводу желания... Тут никаких сомнений не было: я хотел всех троих – и горячую, словно пламя, Олю, и тягуче-медовую Натку, и освежающе-смешливую Гальку. Все такие разные и такие желанные...

– Не бери дурного в голову и тяжёлого в руки, – посоветовал я, – доберёмся до родных мест, а там уже будем определяться, кто и как поменялся и кого хочет. Нат, как там Пашунтий? Уже можно дальше ехать или пусть ещё немного полежит?

– А моё мнение, стало быть, уже никого не интересует? – слабым голосом откликнулся болезненный и потёр бледный лоб. – Вот дерьмо! словно целое стадо вампиров надо мной поработало, высосали досуха, мерзавцы. Витёк, говорил же тебе... Эта последняя рыбина точно неправильно пахла.

– Но у меня всё в порядке, – слегка виновато отозвался тот, не прекращая гладить лошадку, – я же не виноват, что у кого-то пузо слабое.

– Негодяй, накормил моего мальчика всякой бякой, – проворковала Наташа, – самому – ничего, а мой карапуз весь исстрадался!

Витёк бросил на неё косой взгляд и ничего не ответил. Хм. Недобро глядел наш товарищ. Я подошёл ближе и осмотрел Павла. М-да. Бывали дни, когда он с похмелюги выглядел поприличнее. Но, похоже, его болячка действительно начинала отступать. Не знаю, случайно ли, или сработало подсознание, но, опёршись о край повозки, я накрыл ладонью пальцы Наташи, за спиной Паши. Девушка вздрогнула, но ничего не сказала. И не сделала. А искра в её взгляде сказала мне о многом.

– Поехали, – пискнула Галя, едва отдышавшись от очередного смешка. – Быстрее приедем – быстрее покажем хворого весёлому доктору.

– Да, тронули, – Пашка деловито махнул рукой, – чего стоять?

Оля повернулась и, подмигнув, показала мне длинный язык. Галя обернулась через другое плечо и проделала то же самое. Издеваются. Ладно.

– О-ох! – внезапно вздохнул Илья и схватился за меня. Его необычайно светлые глаза вдруг наполнила непроглядная тьма. Как у демонов в сериале «Сверхъестественное». Аж жутко стало!

– Какого чёрта? – встревоженно спросил я, придерживая его под локоть. – Ты чего, тоже?..

– Нет, нет, – он потряс головой, – уже всё в порядке. Хрень какая-то непонятная. Как будто внутри меня появилась бездна, и я в неё рухнул. А там – только холод и мрак. Жрать, наверное, хочу. Последний раз позавчера разговлялся.

Вот дерьмо. У Илюхи, похоже, такой же приступ, как и у меня сегодняшним утром. Может, и голод... Однако раньше подобного никогда не было. Нужно поторопиться. Может быть, проклятушее колёсико, пустившее нас сюда, было радиоактивным, и все мы облучились. Ещё этого не хватало!

– Садимся, поехали, – скомандовал я, – похоже, теперь места хватит для всех.

И действительно, после того, как наш лежащий принял вертикальное положение, освободилось пространство и для нас с Ильёй. Как ни странно, но я разместился между Олей и Галей, а товарищ остался по другому борту.

Витя легко запрыгнул на водительское сидение и хлопнул верёвками, вынудив несчастное животное взбрыкнуть зад-

ней ногой. Со второго поворота ключа тачка завелась и медленно двинулась вперёд.

Тотчас острый локоть вонзился мне под левое ребро, и шелестящий шёпот настойчиво проник в ухо, на той же стороне:

– А не желает ли герой-любовник рассказать, куда он исчез после того, как проснулся? Видимо, полюбоваться видом звёздного неба?

– Э-э... – весьма чётко и вразумительно пояснил я, – угу.

– Ну а звёздное небо лучше всего смотрится, когда под тобой нечто тёплое и упругое? – прожурчало в другое ухо, и локоть, ещё острее первого, едва не сломал правое ребро. – Звёзды становятся такими яркими, правда?

– Как? – я был само красноречие.

Обе мои соседки одновременно захихикали.

Происходила настоящая чертовщина. Если обе в курсе моих ночных эскапад, то почему ведут себя именно так? Сбылась заветная мечта любого идиота мужского пола: группа девушек, готовая уступить парня одна другой? Но ведь так не бывает!

– Это ещё чё за фигня? – озадаченно пробормотал Илья, и все повернулись к нему. – Меня, наверное, кроет?

– Похоже на виселицы, – заметила Ната и нервно хихикнула: – Чего только не привидится!

Привиделось, правда, почти всем. Тёмные цаплеобразные силуэты далеко в поле действительно весьма напомина-

ли ряд постаментов с болтающимися висельниками. Витька недовольно упомянул галлюцинирующих придурков и отвернулся. Паша пожаловался на боль в глазах и головокружение, после чего облокотился на свою подругу.

– Чепуха! – уверенно отрезала Галка и больно ущипнула меня за ляжку. – Это столбы, с проводами. За городом таких полным-полно. ТЭС называются.

– ЛЭП, – машинально поправил я, – но сходство с виселицами просто потрясающее.

– Жуткое сходство! – Олю передёрнуло, и она прижалась ко мне. – Видимо, подсознание балует. Сначала эти отвратительные типы с утра, а потом начинаешь видеть всякую чертовщину.

– Посмотрим? – предложил Илюха и даже привстал. – Тут не больше пары километров.

– Я вообще-то жрать хочу, – заметил Витя, не поворачиваясь, – и Пашу в больницу надо как можно скорее, а тебе бы только хернёй маяться!

– Он прав, – я положил ладонь на плечо вздрогнувшего Ильи, – хватит пока искать приключений на жопу. Они нас и сами неплохо находят.

Возражений не последовало, и около часа мы медленно плелись по ровной дороге, лицезрея весьма однообразные пейзажи заброшенных полей, поросших густой серо-зелёной травой почти в рост человека. Тёмная фиговина на горизонте, наотрез отказывалась увеличиваться в размерах, и это

раздражало не меньше, чем отвратительное бурчание в животе нашего извозчика.

Всё это время девочки настойчиво требовали развлечения в виде стихов и историй собственного сочинения. Причём Ольга настаивала на романтических легендах и балладах, а Галя убедительно требовала анекдоты и байки. Как ни странно, но обоих устроили рассказы о безуспешных ухаживаниях за Мариной.

Обхохотаться, блин!

К счастью, за истёкшие сутки я научился относиться к своей несчастной любви с философским спокойствием, и мог без особой боли в груди вспоминать, как два часа напролёт мок под холодным дождём, пока Мариша убеждала по телефону в вызванном такси и преодолённой полдороге. В тот вечер она так и не пришла. Галчонок со смехом рассказала, как они пили чай, и сеструхе было в лом выходить под негламурную жидкость. Понятно. Действительно: смешно.

– Речка, – возвестил великий кормчий, – и мостик.

– Винтажный, – заметила Наташа, – веет пасторалью.

– Это как? – тотчас осведомилась Галина.

– Будь проще, – посоветовал Наташке Витёк, – видишь, народ не готов к такому резкому культурному скачку, начни с «Мама мыла раму».

– Поумничай мне! – прикрикнула Галя. – Нашёлся умник ещё!

– Укуси его, – посоветовал я, – говорят, помогает.

Мостик над тихо журчащей речушкой выглядел выходцем из далёкого прошлого: целиком деревянный, он коричневой дугой соединял крутые берега, больше напоминая нечто игрушечное, чем настоящую постройку. Глядя на тонкие опоры, поросшие пушистым тёмным мхом, я, честно говоря, начинал сомневаться в их возможности выдержать нашу повозку. Видимо, лошадка полностью поддерживала моё мнение и не решилась проверить его правильность, остановившись перед грубо сколоченными брёвнами настила. Замерев, животное начало мотать уродливой головой.

– Давай-ка слезем, от греха подальше, – негромко сказал я и спрыгнул, подавая пример, – Витёк, ты бы тоже рядышком прошёлся, а то хрен его знает, какая тут глубина.

– Похоже – большая, – известила Галька, успевшая протанцевать к верхней точке деревянной радуги, – вода тёмная-претёмная. И булькает.

Поток просто поражал своей чернотой, идущей то ли от большой глубины, то ли от илистого дна. Смутная тень чего-то, напоминающего огромную корягу, медленно поворачивалась под опорами, но рассмотреть предмет подробнее было решительно невозможно.

– О, рыбачки! – пробормотал медленно ковыляющий Пашка и в ответ на мой недоумевающий взгляд, пояснил: – Вон, смотри, чуть дальше на берегу рогатины торчат: значит, кто-то рыбу ловит.

– Но уже давно не приходил, – вздохнул Илья, и в его го-

лосе я ощутил тревогу. – Да и вся местность какая-то заброшенная. Глухомань, самая настоящая. Ой, чую, будет этот Лисичанск такой дырой – мама не горюй!

Лошадка, хоть и выглядела настоящим чучелом, оказалась поумнее иного человека: стоило всем покинуть телегу, и животное тотчас начала перебирать кривыми ногами, преодолевая мостик. Витя шёл рядом и медленно поглаживал скотинку по спутанной гриве. Изредка парень посматривал назад, и его брови приобретали тенденцию выстраиваться домиком. Странно.

– Какой-то лесок начинается, – заметила Ната и похлопала Пашу по плечу. – Как ты, доходяга?

– На букву Х, но не хорошо, – с кислой ухмылкой откликнулся тот, – всё то же дерьмовое ощущение пустоты внутри. Словно меня высосали огромные комары.

– А потом инопланетяне захавали моск, – заметила Галя. – Будете знать, как запихиваться всякой дрянью. Вот, посмотри на меня: сутки не кушаю, бодро и свежа, как персик!

– Угу, а кто жаловался на приступ опустошения? – хмыкнула Оля и отпустила болтунье лёгкий щелбан. – Или как ты это назвала: единение с пустотой.

– Загадочно, – согласилась Наташа и нахмурилась.

Мы с Ильёй переглянулись: похоже непонятная фиговина произошла с каждым из нас. Может, всё-таки дело не в еде? Какой-нибудь вирус? Нужно быстрее попасть в людные места.

Лесок начинался почти сразу за речушкой. Чахлые невысокие деревца постепенно сменялись рослыми великанами с мощной морщинистой корой, напоминающей броню тяжёлых рыцарей. Откровенно говоря, я затруднялся в идентификации встреченных растений. Впрочем, из меня такой биолог...

– А чего это мы раньше не наблюдали всего этого безобразия? – осведомилась Галька, запрыгивая на повозку. – Нехилый такой лесочек! Прямо Красной Шапочкой себя ощущаю.

– Потому как он в ложбине находится, – не поворачиваясь, пояснил Витя, занявший водительское место, – тут имеется небольшой спуск, его издалека не видно. А...

– Ух ты, какая штука! – перебила его девушка. – Красиво!

Мы устались на покосившийся указатель с большими квадратными буквами, слагающимися в название «Лисичанск» и рисунком лисы опирающейся передними лапами на букву Л. Чернобурка, обнажившая клыки в злобном оскале, была нарисована великолепно. Особенно впечатляла человеческая голова, которую животное держало зубами за волосы. Наверное, сюда занесло каких-то местных художников-хулиганов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.